

Е - О К Т 1959

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

3.
у 915-3.

О Т Д Е Л ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ВЫПУСК II.

PROVERENO
Книгохранилище
1935 г.

УЧЕБНАЯ
Центральная Библиотека
имени Александра Герцена
№ 168.624
В сент. 1931 г.

3р. 1943 250
Ответственный редактор—директор С. А. СТОЙЧЕВ

Редакционная Коллегия: проф. В. В. ГИППИУС, пр. ф. А. П. ДЬЯКОНОВ, проф.
Н. А. КОНОВАЛОВ, проф. А. А. САВИЧ.

П Е Р М Ь
1931

Под двойным прессом.

(Восстание в Ташкенте в 1892 году т. н. „Холерный бунт“).

В. Зыкин.

Много неизученных полностью вопросов таит в себе история перехода Сред. Азии в колониальную зависимость от капитализма царской России.

Один из моментов этой истории—ташкентское восстание 24 июня 1892 года мы намерены осветить в данной статье.

Крайне скудна литература по затрагиваемому нами вопросу. Почти вся она, мимоходом освещая это событие, полностью обходит экономические причины, породившие восстание.

Главными основными мотивами выставляются только политические, в числе которых доминирующую роль играет религиозной фанатизм.

Естественно, что авторы, освещая с такой точки зрения восстание выдвигают вождями его духовенство.

Официальная точка царской администрации не очень резко расходится с указанной. Она сводится к следующему: восстание „разыгралось на почве партийной борьбы туземцев между собой и только отчасти связано с антихолерными мероприятиями...политических мотивов не было¹⁾).

Впервые этот вопрос был затронут в свете нового освещения в основном марксистском труде П. Галузо, по истории колонизации Туркестана—„Туркестан колония“²⁾.

Данная статья отнюдь не претендует на исчерпывающее изложение всего вопроса, он заслуживает еще более подробной разработки, началом которой и можно считать эту работу.

Глава I.

КОРНИ ВОССТАНИЯ.

1. Города Средней Азии до русских.

Историки царизма освещают период жизни Средней Азии до прихода русского капитализма, как состояние, в котором.... туземцы изнемогают под гнетом ханов, последние своими войнами и грабительскими налогами мешают нормальному развитию сельского хозяйства в кишлаках, торговле и занятию ремеслами в городах. Только после вступления русских было обеспечено хозяйственное процветание Туркестана, водворена безопасность, введена законность, обеспечены права населения.

¹⁾ „Туркестанские ведомости“ № 51 от 22-го декабря 1892 г.

²⁾ П. Галузо „Туркестан—колония“ изд. Ком. У-та Труд. Востока, Москва. 1929 г., стр. 43—44.

Что же говорят на это факты? До завоевания края русскими на громадной территории Туркестана мы видим только три ханства: Хивинское, Бухарское и Кокандское. По описанию их хозяйственного состояния членом Венгерской академии наук Армением Вамбери, лично побывавшим, под видом дервиша, в 1863 году в первых двух ханствах, мы видим, что это были страны развивающегося торгового капитализма. Земледелие находится в блестящем состоянии. Власть централизована, в распоряжении хана имеется сильное постоянное войско, границы охраняются, существует паспортная система, дороги безопасны, не только для непрерывно двигающихся по ним торговым караванам, но даже и для стдельных путников многочисленных городов (Хивинское ханство, например, насчитывало 32 города). Все ханства разделены внутри на округа по числу имеющихся в них городов.

Города ведут оживленную торговлю не только внутри своей территории, но и с соседними ханствами, с Россией, с Персией, Афганистаном и другими странами Востока. О размахе этой торговли говорят факты, сообщаемые А. Вамбери, что даже в небольших городах, как например, в Шурахане—городе Хивинского ханства, где „немного домов для жилья, но зато 300 лавок, они бывают открыты два раза в неделю и усердно посещаются всеми соседними кочевниками и оседлыми жителями“¹⁾.

Ремесла в средне-азиатских городах находились в цветущем состоянии. В Бухаре, Карши, Янгиуренч, Коканде, Намангане выделялись бумажные и шелковые ткани, кожаные изделия, вполне удовлетворяющие туземным требованиям, а в Бухаре и Самарканде даже изготовлялась бумага, пользовавшаяся высокой славой. Из ввозимого, главным образом из России, железа выделялись в Хезаресте винтовые ружья, славившиеся своим особенным достоинством. Города Хиссар Карши и Джу-ста доставляли своего изделия ножи и шашки. О последних А. Вамбери отзывался следующим образом: „Один сорт из дамасской стали, с рукояткой, выложенной золотом и серебром, своим большим вкусом, прочностью и закалкой может пристыдить самые знаменитые изделия Шефильда и Бирмингама“²⁾.

В таком же состоянии находились ремесла в Ташкенте—первом по оборотам торговли городе кокандского ханства. Этот один из замечательных городов Средней Азии, возникновение которого теряется в тумане сотен лет, вел торговлю с Бухарой, Кокандом и китайской татарией, что создавало прочную базу для укрепления ремесленного производства Ташкента.

2. Ташкент под властью русского капитализма.

С момента завоевания русскими Ташкента в 1865 г. медленно, но неуклонно внедряющийся русский капитализм начинает вытеснять из области торговли туземный капитал. Забрасывание же в усиленном размере

¹⁾ Армений Вамбери. Путешествие по Средней Азии в 1863 году. С.-Петербург 1865 году. стр. 79.

²⁾ Там же, стр. 114.

фабрикантов русской промышленности стало подтачивать те устои на которых держались ремесла и кустарные промыслы города.

По официальным данным 1885 года, Ташкент насчитывал 121.410 ч. населения или 18% всего состава Сыр-Дарьинской области, в которую он тогда входил. Русского же населения было только 1% или 11.685 ч. Из этого числа служащих и их семейств с семействами нижних чинов насчитывалось 36%. Несмотря на такое ничтожное количество русского населения, вес его в экономике города был совершенно другой. Если фабрик и заводов, которые почти исключительно принадлежали русским, в 1885 году было 27 (считаются только с оборотом не менее 1000 руб. в год), занято на них рабочих 365 и годовая сумма производства равнялась 680.600 рублей, то через какие-нибудь 7 лет в 1892 году мы видим, что число фабрик вырастает до 93, число рабочих увеличивается до 960 и сумма производства доходит до 1.364.450 руб.¹⁾

О значении этих цифр говорит тот факт, что обороты фабрично-заводской промышленности Ташкента в 1887 году составляли 91% оборота всей Сыр-Дарьинской области.²⁾

С первого взгляда покажется, что разве не прогрессивен был приход русского капитализма, раз так бурно развивается промышленность, но достаточно взглянуть на список созданных фабрик и заводов, как ярко будет виден колониальный характер их; развивается только легкая обрабатывающая промышленность, вытесняя аналогичную туземную (винокуренное, водочное, пивоваренное, кожевенное, хлопкоочистительные заводы, мельницы и т.д.) О характере развития промышленности в всеподданнейшем докладе Сыр-Дарьинского генерал-губернатора за 1889 год говорится следующим образом: „фабричная деятельность области ограничивает производство только лишь тех предметов, которые являются насущной потребностью населения и доставка таковых из России увеличивала бы их ценность значительно“.³⁾

Если мы возьмем данные ярмарочного комитета, то не менее выраźnie будет видно, что русский капитал захватил в свои руки доставку товара в Ташкент, за счет изделий метрополии, вытесняя продукцию местного туземного производства. За период, с мая месяца 1873 года по июль включительно 1874 года было ввезено в Ташкент, а так же и вывезено в другие города области: (см. табл. стр. 318).

Как же наживались эти „Ильи Муромцы“ по выражению местного экономиста того времени Н. Федорова. Возьмем об этом справку у черносотенного русского путешественника Евгения Маркова, который в преувеличении размеров прибылей отнюдь заподозрен быть не может, скорее в обратном.

„Первые предприимчивые люди, решившиеся завести здесь разные отрасли промышленности, дотоле неведомой Туркестану, как Иванов, Филатов, Первушин и другие, сильно обогатились и стали влиятельными местными воротилами“.

¹⁾ Обзор Сыр-Дарьинской области за 1885 и 1892 г. г., приложение к отчету генерал-губернатора.

²⁾ То же за 1886 год.

³⁾ Там же за 1889 г., стр. 86.

Бумажные изделия				Шерстяные изделия				Прядильной бумаги			
В в о з		В ы в о з		В в о з		В ы в о з		В в о з		В ы в о з	
Русского	Тузем. произ.	Русск.	Тузем. произ.	Русск.	Тузем. произ.	Русск.	Тузем. произ.	Русск.	Тузем. произ.	Русск.	Тузем. произ.
4711889	698172	2419311	696992	78617	99298	39942	48832	258906	87127	168893	33251 ¹⁾

О размахе влияния этих „предприимчивых людей“ говорит цитата того же автора: „кажется нет ни одного дома в Ташкенте и даже в Самарканде, русского или даже сартского, который бы не служил в руках Иванова, конечно, за достаточно крупные проценты, залогом по какому нибудь предприятию его... банкротство Иванова можно сказать сделалось бы банкротством целого края, стало быть, своего рода общественным бедствием. Но... Иванов, конечно, не один, есть и другие не менее значительные“²⁾.

Вслед за развитием русского капитализма, развивается в тех же отраслях промышленности, в торговле—и местный туземный капитал: „Если в прежнее время в Ташкенте считали крупными богачами людей, имеющих 10—15 тыс., то к 1903 году для того, чтобы считаться известным богачем среди сартов, необходимо было иметь, по крайней мере до пол-миллиона“³⁾.

Как это нравилось русскому капитализму? Об этом наглядно говорит злобная характеристика туземного капиталиста, данная Е. Марковым: „Насколько ленив турок и араб, с которыми ближе всего знакомы европейцы, настолько мало известный Европе сарт деятелен и предприимчив. Состязаться с ним чрезвычайно трудно. Он встает рано, ест очень мало, воздержан во всем, всегда бодр, сух, легок, всегда на ногах, при том всегда трезв, и в хорошем расположении духа; всегда бегаёт сам, всюду все разнохивает и знает. Где касается дело его корысти, он не упустит ничего и не пренебрежет ни одной копеейкой“⁴⁾.

Ташкент являлся центром мелкого местного производства во всей Сыр-Дарьинской области. Его изделия расходились не только в районе ее, но и проникали за пределы области, обслуживая нужды коренного населения. Наиболее развито было кожевенное производство, седельное, ткацкое и т. д. Весь город разбит на четыре части: Шейхантаурскую где концентрировалось седельное, чугунно-литейное и бумажно-ткацкое

¹⁾ „Туркестанские ведомости“ за 1874 год сводка ярмарочного комитета. Не нужно думать, что эта сводка освещает всю картину, она далеко не полна и дает лишь грубые данные, которые все же отражают общую тенденцию вытеснения туземных изделий предметами русской промышленности.

²⁾ Е. Марков. Россия в Средней Азии, т. 1, стр. 498.

³⁾ В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Издан. академии наук СССР, стр. 171.

⁴⁾ Е. Марков. Россия в Средней Азии, т. 1, стр. 525—526.

производство, Сибзарскую—сапожное дело, ткачество и окраска тканей, Кукчинскую—кожевенное производство и Биш-Агачскую, где население занималось садоводством и заготовлением кирпича. Учета лиц, занятых в кустарных и ремесленных предприятиях, нет. О том, что количество их велико, может служить тот факт, что на промышленной выставке, устроенной в г. Ташкенте в 1886 году, было 459 экспонатов кустарной промышленности, главным образом из самого города.

Все исследователи ремесл, кустарных промыслов, в один голос отзываются с высокой похвалой о „сравнительно высокой и своеобразной культуре“ местных „азиатов“. Даже официальный отчет Сыр-Дарьинского генерал-губернатора за 1888 г. присоединяется к этой оценке: „при отсутствии технических знаний и рутине приемов туземный ремесленник проявляет большую способность к ремеслам и при иных исторических условиях промышленность в стране достигла бы гораздо высшего развития, чем это замечается теперь. Туземец отличается замечательной способностью приспособиться и усовершенствовать себя в новом мастерстве. Являясь мастером того или другого ремесла, сарт или таджик не ограничивается подражательностью, а вносит и свое оригинальное художественное творчество, чем достигает известной степени виртуозности. Грубый, безжизненный кусок дерева под его резцом покрывается своеобразным, но вместе с тем сложным рисунком, мелкие замысловатые изгибы которого обнаруживают в мастере художника. Туземец плотник, столяр, лепщик, штукатур ни в чем почти не уступает русскому и если нет еще сартов-механиков, то исключительно потому, что жизнь не предъявила пока требований к этой отрасли промышленной техники“ (стр. 79).

Нахлынувшие лавиной изделия русских фабрик и заводов стали чрезвычайно усиленным темпом вытеснять местные кустарные и ремесленные производства. Если выбрать из вороха статистического материала данные по наиболее важным отраслям кустарной промышленности Ташкента, то мы увидим картину, которая говорит сама за себя без всяких комментариев. По данным П. Маева (Азиатский Ташкент, очерк, стр. 6) в 1871 г. кожевенных заведений было 341, а по сведениям губернаторских отчетов мы имеем в 1885 г. их только 76, а в 1892 г. — 66. По материалам, помещенным в сборнике Хорошина (Сборник статей о туркестанском крае С. Петербург, 1876 г. стр., 92—94), в первые годы завоевания русскими Ташкента красильных заведений было 300, а в 1885 году, по отчету губернатора, их только 48, в 1892 г. число их падает до 20.

Самостоятельный ремесленник попадает в цепкие лапы своего туземного капиталиста-скупщика. К чему привел этот двойной гнет: конкуренция с изделиями русской промышленности и зависимость от „отечественного“ скупщика, об этом говорят данные, собранные И. Гейером и И. Назаровым по вопросу заработной платы кустарей Ташкента эпохи восстания:

Согричи (шагренички) не более 30 коп. в день.

Заргарчи (серебр. дел мастера) не более 50 коп. в день.

Машиначи (шитье халатов) от 10 до 60 коп. в день.

Таракчи (гребенщики) от 30 до 40 коп. в день.

Потакчи (изготовление стелек) не выше 40 коп. в день.

Нагальчи (набивка подков на каблуки) не более 20—30 к. в день.¹⁾ Такой заработок не мог обеспечить даже минимальные нужды непрехотливого туземного кустаря.

Эти цифры остаются стабильными и для следующих лет, как например, В. Разводовский, освещая период после восстания, приводит сведения о заработке игарчи (седельщиков) в махалля игарчи Шейхантаурской части: „на приготовление двух седел игарчи употребляет три дня работы, получая за это 1 р. 47 коп., считая в этой сумме стоимость отрубей, клея, рога и краски“. ²⁾ Игарчи, как и другие кустари, находятся в полной зависимости от скупщиков, которые кредитуют их, дают материал, строго воспрещая продавать готовые изделия на сторону.

Гибнущим экономически кустарям выход оставался не мудреный—увеличить рабочий день до таких размеров которые позволили бы „владеть довольно жалкую жизнь, едва перебиваясь изо дня в день“. До какой величины доходил труд туземного ремесленника, кустаря—сведений нет но о размахе его можно предполагать, если провести параллель с кустарными предприятиями—швейными мастерскими в русской части города где по подсчетам Н. Васильева размер эксплуатации доходил до того что у автора в его статье невольно проскользнуло весьма характерное замечание: „Н. Якимов, определяя по формуле Маркса—степень эксплуатации татарами семипалатинских киргиз—игинчей—этих обездоленных судьбой земледельцев, получил в среднем 160% для прибавочного труда, мы же из детского и женского труда умеем извлечь 461% пользы“. ³⁾

Вряд ли уменьшился бы этот сказочный процент нормы прибавочной стоимости для туземных кустарей, если бы он был подсчитан. Благодаря хищническому использованию своей рабочей силы кустарное производство еще могло существовать, вызывая этим ворчание со стороны русского капитала. Отчеты Сыр-Дарьинского губернатора за 1890-й год: огорченно говорят, что „кустарное ткацкое ремесло области выпускает ткань, хотя низкого качества, но очень дешевую по цене, чем стесняет развитие мануфактурной промышленности которая не может захватить того круга потребителей среди местного населения, которые предъявляют требования на ситцебумажные изделия“ (стр. 60).

Кустари прибегали к приспособлению своей продукции по вкусам русского населения, например седельники научились изготовлять английские седла, столяры—шкафы, машиначи—стали шить халаты не в ручную, а швейными машинами, но все это, при экономическом гнете, не давало результата, а в некоторых случаях даже вело к еще большему ухудшению. Так, например по данным Гейера и Назарова, если раньше машиначи зарабатывали от 50—70 коп. то сейчас, с введением швейной

¹⁾ И. Гейер и И. Назаров „Кустарные промыслы в Ташкенте“, тетрадь 1-я, изд. В. Ильина. Ташкент. 1903 г.

²⁾ В. Разводовский „Кустарная промышленность в Туркестанском крае. Ташкент“ 1916 г. стр., 18—19.

³⁾ Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области Изд. С. Д. Стат. Ком-та под редакцией И. Гейера, Ташкент. 1892 г., стр. 460.

машины, с организацией разделения труда, оплата стала на уровне 10—60 коп.—все шло в бездонный карман скупщика.

Немудрено, что пессимистическое отношение к возможности улучшить положение было чрезвычайно глубоко. Кустари и ремесленники с чисто восточным фатализмом смотрели на тот тупик, куда заводило их развитие капитала, но и этому фатализму был предел, что и показало восстание. У Разводовского в цитированном нами труде есть место, относящееся к этому вопросу: „мысль о том, что можно бороться с фабричным производством посуды (которое проникло во все уголки) у местного кустика—гончара вызывает только улыбку, да и кустарь об этом не помышляет, будучи всецело занят тяжелым трудом“ (стр. 56).

Кустарю остался только один выход—итти в ряды пролетариата, сменить свою фиктивную свободу на неприкрытый независимостью труд чернорабочего, труд пролетария в местной фабрично-заводской промышленности. Предприниматели получали возможность в неограниченном количестве иметь в своем распоряжении кадры опролетаризированных ремесленников и кустарей, но фабрично-заводская промышленность могла поглотить лишь ничтожную часть, выкидываемых на рынок, труд-кустарей. Это еще усугубляло муки гибнущего кустаря, не давало никакого выхода из тупика.

3. Уменьшились ли налоги?

Сколько чернил и бумаги истратили писакки царизма для того, чтобы яркими красками расписывать тяжесть налогов при ханах. На самом же деле налоги были таковы: торговцы вносили так назыв. зякет (таможенный сбор), равнявшийся $2\frac{1}{2}\%$ стоимости продажи, городское же население Ташкента платило кокандскому хану по какой то старой описи налог за 3000 домов, тогда как в городе их было не менее 20.000¹⁾.

Такой порядок не мог долго удовлетворить царскую администрацию. Податная система стала систематически реорганизовываться в сторону увеличения размеров обложения. По распоряжению генерал-губернатора края Кауфмана зякет был отменен в 1874 году и заменен промысловым сбором. Купцам пришлось платить за право торговли, ремесленникам—за право промысла. Это мероприятие возбудило большое недовольство среди туземцев и было, по мнению академика Бартольда, одним из поводов к андижанскому восстанию 1898 года.²⁾ Русская администрация провела в 1887 году по городу Ташкенту перепись населения для взимания городского оценочного налога с каждого домовладельца. В 1890 г. она была повторена. Как отнеслось население к переписи, можно судить по таким фактам, что „при производстве переписи скрывались не только отдельные домовладения, но и целые улицы.“³⁾

Несмотря на проведение такового итальянского способа бойкотирования нового налога, он был введен и дал свои результаты. Если

¹⁾ Бартольд. „История культурной жизни Туркестана“, стр. 175-176.

²⁾ Бартольд. „История культурной жизни Туркестана“, стр. 193.

³⁾ Там же, стр. 191

при „хищнических поборах“ кокандского хана платили налог с недвижимого имущества 3.000 домов, то в результате „благотетельных мер“ царской власти этот налог стало платить 37.482 дома (данные 1888 г.). Поступления от него составляли 54,5 % доходной части городского бюджета Ташкента. Взимание налогов было поручено генерал-губернатором края Розенбахом начальнику города, последний был назначен по совместительству городским головой. В результате этого „дело быстро поправилось, старые недоимки были взысканы, старые долги думы уплачены. Вместе с тем, во всем крае запрещено было выдавать ссуды из городских сумм частным лицам и чиновникам“ ¹⁾.

Какова же, по официальным данным, общая сумма налоговых поступлений Ташкента? Мы подчеркиваем, что приводимые нами ниже данные являются далеко несоответствующими действительности, так как „денежная отчетность за первые 30 лет существования городского самоуправления велась по-домашнему“, а бухгалтерские книги „каждый молодец вел на свой образец“ ²⁾.

Из городской кассы брал из русской администрации только тот, кому не лень, недаром потребовалось на это официальное запрещение. Помимо официальных налогов проводились всевозможнейшие дополнительные поборы в пользу царских чиновников, заслуживших с легкой руки Щедрина—Салтыкова ходячее название „ташкенцы“ ставшие синонимом царского взяточничества и хищничества.

За период с 1-го января 1888 по 1898 год средний годовой приход ташкентской городской думы равнялся 259.634 р., расход же 261.451 р.

Из каких статей составлялся приход:

Налог с недвижимых имуществ 54 1/2 %

Городские оброчные статьи (поземельный сбор от базаров и проч.) 27 1/2 %

Прочие поступления 18 %

Основным ядром приходных статей, как мы видим, являлся налог с недвижимых имуществ. Как же он исчислялся и с кого? В туземной части города было учтено 37482 владения на сумму 13212462 руб. Налог брался в размере 2/3 % с стоимости оцененного домовладения. В русской же части 1123 объекта недвижимого имущества были оценены в 4227169 руб. (а в эту сумму входят все государственные учреждения, магазины и т. д.) и размер налога был установлен—6 2/3 % чистого дохода, приносимого владениями. Если учесть, что определять доход владений приходилось тем же лицам, которым они принадлежали (почти все старожилы чиновники имели свои дома), то нетрудно догадаться, что в определении „чистого дохода“ налогоплательщики обижены не были. Из этого вытекает, что подавляющая масса приходной части составлялась из налоговых поступлений туземного населения.

¹⁾ Генерал-лейтенант Терентьев „История завоевания Средней Азии“ т. 3 С. Петербург. 1906 г., стр. 341.

²⁾ Добросмыслов. „Ташкент в прошлом и настоящем“. Ташкент. 1912 г., стр. 126 и 132.

Куда же шли эти деньги?

За этот же период расходная часть распределялась следующим образом:

Городское благоустройство	27 %
Содержание полиции	24 %
Медико-санитарная часть	12 %
Содержание городского общественного управл.	11 %
Народное образование	8 %
Содержание ирригации	6 %
Общественная благотворительность	1 1/2 %
Прочие расходы	10 1/2 % ¹⁾

Основная расходная статья, как мы видим, это городское благоустройство. О том, куда шли деньги по этой статье, скрыть, конечно, нельзя и царские чиновники с циничной откровенностью заявляли: „Все расходы по благоустройству идут на русскую часть города, туземцы об этом знают, но молчат“. Это подтверждает и академик Бартольд в его цитировавшейся ранее книге (стр. 163—164). Если же взять другие статьи расхода, не касаясь, конечно, расходов на содержание полиции, городского самоуправления, то увидим, что все прочие расходы тоже не шли на нужды коренного населения. Суммы, ассигнованные на народное образование, давались гимназиям, городским училищам, а там не училось ни одного туземца.²⁾

К русской медицинской помощи местное население почти не прибегало, предпочитая лечиться своими способами.

Из всего этого вытекает, что на нужды основного налогоплательщика расходы городского бюджета почти не шли, а последний обслуживал нужды русской части города.

4. Управители города.

Ташкент разделяется на две части: русскую и азиатскую. Азиатская часть города с населением в 100000 чел. была разделена на 4 части: Сибзарскую, Шейхантаурскую, Биш-Агачскую и Кукчинскую. В каждой части имелся старшина (аксакал), народный судья (казий) и полицейский стражник (юзбаши). Аксакалы подчинялись старшему аксакалу, который находился в непосредственном подчинении н-ка города. Весь этот аппарат и имел непосредственную связь с населением, русская же администрация действовала через него.

Что представлял из себя он, можно судить по следующим фактам, сообщенным в своей книге, нашим старым знакомым Е. Марковым. В беседе с ним, как со своим вполне человеком, старожил-царский чиновник разоткровенничался: „Отдали их на произвол казиям. Казий судит, а жалуются на него в с'езд опять тех же казиев. Их тут четыре в Ташкенте, в каждой части по одному. Разумеется, рука руку моет, поддерживают друг друга. И потом никаких законов нет, так себе вы-

¹⁾ Добросмыслов „Ташкент в прошлом и настоящем“, стр. 125—127

²⁾ Е. Марков „Русские в Средней Азии, т. 1, стр. 501—503.

думывает каждый судья, что хочет. Сарты судятся по шариату, киргизы по адатам своим, а какие у них адаты—никто этого не знает, и справиться негде“ (стр. 517).

В результате этого доходы казиев так росли, должность эта была так выгодна, что старший казий был одним из самых богатых людей города. Состояние его беспрерывно росло как и количество земли в пригородных владениях.

Насколько это считалось обычным явлением, показывает случай, промелькнувший в ходе следствия о восстании, на который никто не обратил внимания и не дал ему никакого хода. На допросе у судебного следователя туземец Иногам-Баба-Карим-Бабаев неграмотный, не говоривший по-русски, при вызове его в качестве свидетеля между прочими показаниями сообщил, что: „В 1890 году у меня было дело о наследстве с татаринном. Я дал Кукчинскому казию 12 руб., и он присудил дело в мою пользу. Дело перешло в с'езд, где я дал казию Мухетдину 6 р. взятку и мирзе его 2 руб., и с'езд присудил мне иск. В 1891 г. с'езд вновь рассмотрел дело и решил его не в мою пользу“.¹⁾

Что же сделал после этого Иногам-Баба Карим-Бабаев? Он пришел к старшему аксакалу только с просьбой возвратить с казия деньги. Царский чиновник пропустил мимо ушей этот „пустяк“, который был записан в протоколе допроса.

Все налоги, о которых говорилось выше, взимались аксакалами. О тщательном контроле их не приходилось и говорить, раз даже поступавшие в кассу городского самоуправления средства записывались по „домашнему“.

Отсюда понятно, насколько выгодно было стоять у кормила власти аксакалам, в особенности старшему, в руках которого сходились все нити дел с денежными суммами. Этим прозаичным обстоятельством и объясняется та борьба за место старшего аксакала, которая вспыхнула незадолго до восстания в том же 1892 году.

Как же смотрело население на власть „первого сорта“, стоявшую над непосредственно угнетающей жителей туземной администрацией. Об этом нам расскажет тот же Е. Марков: „По азиатскому обычаю,—в котором, впрочем, гораздо больше смысла, чем это кажется издали,—начальство не может появляться среди народа иначе, как провожаемое толпой вооруженных всадников“ (стр. 514). Начальство „осчастливило“ своим присутствием „горячо любящее население“, и мы видим картину переполоха, наделанного этим фактом. „В страхе и тревоге бросались, при виде скачущих джигитов,—кто назад, кто в сторону, кто в открытые ворота дворов, в узкие проулочки,—схавшие нам навстречу туземцы, колотя палками неповоротливых верблюдов, заворачивая за рога непослушных быков“ (стр. 515).

На чем же держался этот аппарат насилия? Картинка жизни русского Ташкента того времени это выявляет: „Улицы оживленны, несмотря на летнюю жару, народу везде пропасть и на первом плане, конечно,

¹⁾ Дело № 42 Суд. след. о восстании, т. 2, стр. 260.

взад и вперед снующие солдатики наши в своих щеголеватых белых рубашках и малиновых штанах. Народ все рослый и здоровый, смотрит весело: набираются они почти исключительно в завожских губерниях, из оренбуржцев, пермяков и проч., где еще русское крестьянство сохранилось во всей неиспорченности“.

Как же чувствовали себя за плечами „солдатиков“ не только верхи царской администрации, но и небольшие микроскопические винтики аппарата российской империи? По ошибке, сознательной или случайной неизвестно, — в делах о восстании попал небольшой документ, приоткрывающий завесу нравов власти „первого сорта“.

Начальник города Ташкента доносит Туркестанскому генерал-губернатору: „20-го декабря (1892 г.) в 12 час. дня поручик 3-го Туркестанского Стрелкового Баталиона Николай Степанов Соколовский на тротуаре Инженерной улицы покушался изнасиловать 6-ти летнюю дочь капельмейстера окружного хора Франца Венциславова Лейсек—Лидию. Дознание препровождено командиру баталиона“. На этом рапорте хладнокровная резолюция губернатора барона Вревского: „Получено ли донесение от командира баталиона и что объясняет дознание“. ¹⁾

На этом дальнейший ход дела обрывается, но вероятно он на этом и окончился.

Только ряд кровавых лет господства русских в Средней Азии, ужасы завоевания держали в повиновении массы коренного населения: „Но этот трепет азиатов перед русским именем был достигнут не легко и стоил не дешево (кому? В. З.) Необходимы были беспощадные кровавые расправы с туземцами за малейшую их попытку напасть на русского—прежде чем могло установиться в стране наше теперешнее, вполне безопасное, положение. Целые кишлаки выжигались до тла за какое нибудь одно тело убитого русского, найденное по соседству. ²⁾

Выводы главы.

Восстание 24-го июня 1892 года вспыхнуло не случайно, оно готовилось и явилось итогом 27 летнего управления русским самодержавием над Ташкентом.

Только путем невероятной жестокости с одной стороны и покорностью до фатализма угнетаемых слоев, с другой стороны—можно объяснить, что оно не вспыхнуло ранее.

Находящиеся не в сладких условиях, при кокандском хане, трудящиеся массы, с приходом колонизаторов попали под двойной пресс.

Экономическая база основного городского населения—ремесленников и кустарей пошатнулась и систематически стала падать вниз. Неизбежность дальнейшего упадка ее была осознана массами.

Материальное положение ухудшалось, росли налоги, увеличивался гнет двухэтажного аппарата управления.

Достаточно было даже пустяка для того, чтобы нарушить это шаткое равновесие.

¹⁾ Дело № 45. Канцеляр. Турк. ген-губерн. за 1892 г., стр. 284.

²⁾ Е. Марков. „Русские в Средней Азии“, т. 1, стр. 530.

Глава II.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ

1. Вспыхнула холера.

За время господства русских с 1865 года впервые холера появилась в 1872 году. По размерам она была гораздо сильнее 1892 года. За время с половины июня по 15-е августа заболело 3978 чел., из них 2215 умерло (в том числе русских 245). Эти официальные сведения разделяют судьбу большинства данных русской статистики. Они „разумеется, много ниже действительного числа заболевших и действительного количества смертных случаев, т. к. сарты больных от русских властей скрывали, да и врачебный персонал был настолько мал, что следить за всеми случаями заболеваний не мог“¹⁾. Поэтому, тех насмешек над санитарией, а иначе нельзя назвать то, во что вылились в 1892 году „санитарные“ мероприятия администрации, в эпидемию 1872 года было меньше. Штат врачебного персонала усилен не был, кладбища не закрывались. Но кое-какие мероприятия проводились вероятно в том же стиле, что мы увидим ниже. В результате, по показаниям Иногама Ходжи, бывшего тогда одним из аксакалов города, толпа туземцев двинулась с жалобой к н-ку города. Бравый Иногам-Ходжа со стражниками разогнал ее нагайками. Когда же начальник города приказал на другой день туземцам явиться к нему, было доложено тем же Иногамом Ходжой, что туземцы „пристыжены своим вчерашним поведением и стесняются показаться на глаза начальству“. На том дело и кончилось.²⁾

Но те экономические причины, о которых мы говорили раньше, с того времени ушли далеко вперед в своем развитии, осложнились рядом добавочных, непосредственных поводов и так легко как в 1892 г. вопрос не кончился.

Перейдем к эпидемии в 1892 году. В марте месяце холера появляется в Кабуле и Герате. К 1 июня она переключивается в Джизакский уезд Самаркандской области. Администрация зашевелилась. В 65—70 верстах от Ташкента на Чиназской переправе 3 июня был открыт обсервационный пункт. В тот же день в него поступил первый больной. 7 июня появляется первый случай заболевания холерой в Ташкенте. 14 июня заболевания вспыхивают в обеих частях города. В русской части городская лечебница превращается в холерную больницу. 19 июня открывается и в туземной части города приемный покой. За время с 17 по 24 июня заболело 64 человека, умерло 43 (из них туземцев 33). Больных оставалось: в русской части города—5, в азиатской—10 чел. Таковы официальные данные о размерах эпидемии до восстания.

Если вспомнить, что Ташкент—город, имевший уже тогда почти 150 тыс. населения, то ясно видно, что эти не верны, они чрезвычайно уменьшены благодаря активному участию коренного населения в деле

¹⁾ Добросмыслов. „Ташкент в прошлом и настоящем“ стр. 484.

²⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ. за 1892 г., стр. 202.

пассивного сопротивления „мудрым“ распоряжениям администрации, как-то: путем скрывания больных и т. д.

Кстати сообщим, что этот метод применялся населением и после 24 июня. Так, по официальным же данным за все время:

	Заболело	Умерло	Выздор- овело
В русской части	417	217	200
В туземной части	1462	1440	22
	1879	1657	222 ¹⁾

В больницу из местного населения попадала только часть, при том не только постоянно живущая в городе, а приходящая, как мы это увидим дальше. Попадали тяжело больные, не имевшие родственников: могущих их спрятать. Если к этому присоединить и „внимательный уход“, то в этих цифрах будет виден их подлинный смысл.

Администрацией края были установлены правила, в числе которых было: хоронить умерших только после осмотра трупа чинами медицинского ведомства и на особых холерных кладбищах. Ограничен выезд из города. Как, например, мардекеров не пускали на работу на хлопковые поля. ²⁾ Предписывалось усилить санитарное состояние города.

Разберем сначала вопрос: можно ли было „чинам медицинского ведомства“ города провести эти правила в жизнь? Предоставим слово губернаторскому отчету за этот год: „В Ташкенте для целей собственно санитарных имелся санитарный врач (кроме городского врача), он наблюдает за бойнями, базарами, с'естными припасами и осмотром протитутток“, далее отчет меланхолически подводит итог работы этого многочисленного штата: „За непредставление отчета санитарным врачом г. Ташкента невозможно сказать что-либо относительно улучшения санитарной части города; при приближении холеры комитетом общественного здравия было предложено домовладельцам устроить у себя во дворах венецианские фильтры, но предложение это принято не было“. ³⁾

Во что же вылилось исполнение установленных краем правил? Заглянем в труд такого „революционного“ автора, как ген.-лейтен. Терентьев, труд, который нами цитировался ранее: „За неимением достаточного числа врачей и фельдшеров, осмотр производился даже оспенниками; за множеством умерших осмотр происходил нередко на третий и четвертый день (это в субтропическом-то климате? В. З.), тела быстро разлагались на жаре, распространяя зловоние“. В чем же собственно заключались „санитарные мероприятия“, против которых так бурно протестовали „дикие невежественные туземцы“? Терентьев словоохотливо рассказывает и об этом: „Туземцы уверяют даже, что в число санитаров записались большей частью молодые, не служащие русские, разные писцы и т. п. Надевши офицерские кокарды, эти господа являлись с полицейскими к туземцам и с магическим словом „пушт“ (предупреждение,

¹⁾ Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем“, стр. 489.

²⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ. за 1892 г., стр. 200.

³⁾ Обзор Сыр-Дарьинской области за 1892 г., стр. 130 и 134.

чтобы женщины закрывались), проникали на женскую половину, под предлогом наблюдения за чистотою и здесь позволяли себе разные вольности с дамами и девицами в присутствии отцов и матерей".¹⁾

Судебное следствие подтвердило факт того, что письменных инструкций санитарным чиновникам дано не было. Их только на словах инструктировал начальник города Путинцев.

Еще больше издевательства было допущено в вопросе о кладбище: „12 старых кладбищ, находившихся в черте города, было закрыто. Вместо четырех, обещанных правилами, открыто было только одно (напомним, что по размеру занимаемой территории Ташкент не уступает таким городам, как Москва и Ленинград. В. З.), возить тела умерших по шариату нельзя, надо непременно нести на руках, а это для отдаленных от единственного кладбища частей большого города было крайне затруднительно; наконец, невымытых трупов хоронить было также нельзя, а мыть позволялось только на кладбище, но так как осмотр запаздывал, то самый обряд омовения разлагающегося трупа делался невозможным; провожать покойников толпой также воспрещалось"²⁾.

Для того, чтобы отсеять „авторитетные“ ссылки на шариат со стороны русской администрации, обратимся к книге исследователя жизни коренного населения Средней Азии А. Шишова. Он описывает обряды погребения следующим образом: „мужчины и женщины одинаково с величайшим спокойствием встречают смерть, веруя в то, что „аджаль“ — час смерти предвечно предопределен для каждого человека в книге судеб и что ни какие силы не могут отдалить этого срока даже и на мгновение“. Омовение трупа производят по большей части только „югучи“ (умывальщицы трупа) всегда в отдельной комнате. Так как прикосновение к покойнику считается оскверняющим человека, то югучи одевают на руки маленькие мешки, заменяющие собою рукавицы. Хоронить стараются в день смерти или не позже следующего утра. Труп кладут на длинные похоронные носилки, покрывая последнего простыней. До кладбища носилки с трупом или несутся людьми или становятся на арбу. Труп сопровождают одни только мужчины. Женщины отправляются на кладбище на другой день рано утром. Могила имеет вид большой, глубокой ямы, не меньше человеческого роста в глубину, могильщики укладывают покойника в нишу."³⁾

Если мы будем рассматривать обряд погребения у коренного русского населения какой-нибудь Тамбовской или Пензенской губернии с его хотя бы целованием покойников, то они гораздо антисанитарнее этих „нелепых“ обрядов. Санитарные же мероприятия так, как они проводились, только распространяли эпидемию. Ведь жители „исполняли все, когда дело касалось очистки города для санитарных целей, даже лучше, чем русское население".⁴⁾

¹⁾ Терентьев. „История завоевания Средней Азии" стр. 371.

²⁾ Там же, стр. 371—372.

³⁾ А. Шишов. „Сарты", ч. 1. Ташкент, 1904 г., стр. 368—369.

⁴⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ. за 1892 г., стр. 36.

К этому нужно добавить, что в „русских больницах была большая смертность от холеры“. ¹⁾ Неизбежно должны были возникнуть, на почве всего этого, всевозможнейшие слухи и по отравлению русскими воды в арыках, об умышленном отравлении больных русскими докторами вплоть до слухов о рубке покойникам голов, вырывании трупов из могил и т. д.

Мы отнюдь не хотим всем этим сказать, что религиозные чувства не играли никакой роли, это неверно. Но не они сыграли решающую роль. И если бы такое исполнение правил было в любом „исстари православном“ городе, тоже вполне возможно возникновение, в результате такого издевательства, волнения. Неужели их стали бы относить к серии „религиозного фанатизма?“

2. Борьба за пост аксакала.

Начальник города полковник Путинцев не обременял себя работой над управлением, он занимался другим, еще более доходным, делом. Будучи по совместительству городским головой, он „почти все время посвящал преимущественно делам городского хозяйства“, и надзор за туземной частью города был возложен на „слишком мало опытного“ помощника и особенно на старшего аксакала. Итак, „русскую власть исключительно представлял в течение нескольких лет один Иногам Ходжа“. Это пишет никто иной, как начальник края барон Вревский. ²⁾

Осветим же немного личность фактического начальника города — старшего аксакала Иногам-Ходжа Умырья-Ходжи. Свою карьеру он начал за 20 лет до восстания. Был аксакалом, младшим помощником нач. города и с момента утверждения в 1887 году в должности старшего аксакала занял этот командный пост. На этой работе он не зевал. Из наиболее крупных обделывавшихся им „темных дел“ было завладение вакуфными землями и продажа их русским чиновникам. Пользуясь „доверием“ Путинцева, неоднократно награждаемый начальником края (он получил почетный халат, золотую, серебряную медаль и т. д.) он чувствовал себя царем и богом в городе. Население, включая в том числе и туземную буржуазию, было настолько уверено в его силе, а это и было верно, что „если его отстранить от должности, то вряд ли найдутся люди, способные заменить его“ — так заявил на следствии „почетный туземец“ Мухамед Алим Абдул-Касьянов. ³⁾

Во все время его бесцеремонных „операций“ в свою пользу до следственных органов дошли только две жалобы: одна от осужденного, по доносу Иногама Ходжи, туземца на каторгу и вторая, поступившая в 1892 г., от киргиза Чикменского уезда о взимании старшим аксакалом поборов с углеторговцев в течение прошедшего года. Первая жалоба была оставлена без последствий. Такая же судьба постигла бы и вторую, если бы не получилось, на какой-то почве разрыва в трогательном

¹⁾ Там же, стр. 36.

²⁾ Дело № 45 Кан. Турк. ген.-губ. за 1892 г., стр. 36.

³⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ., стр. 204.

союзе достойного трио: старший аксакал—начальник города—Сыр-Дарьинский генерал-губернатор.

Рассорившись, надо полагать, на почве презренного металла, „личным усмотрением“ генерал-губернатора Гродекова Иногам-Ходжа 21 мая 1892 г. временно смещается с должности. Производится следствие о поборах, чинимых им с углеторговцев. На арену выплывает новое светило.

Исполняющим должность старшего аксакала назначается аксакал Шейхантаурской части Мухамед Якуб-Карим-Бердеев.

В книге П. Галузо „Туркестан-Колония“ имеется целая серия фактов, показывающих, какая ожесточенная борьба разгоралась за места аксакалов. Кандидаты мобилизовывали силы своей партии, тратили громадные суммы денег на угощение, подкуп и т. д. Всех манило это „эльдорадо“, где состояние „избранника“ росло, как снежный ком, катящийся с горы.

То же мы видим и здесь. Иногам-Ходжа не сложил оружия. В следственном материале нашла смутное отражение его деятельность. В деле № 23 Ташкентского военного округа (стр. 108) имеются показания о том, что за городом, на своей земле бывший аксакал собирал и кормил народ, роздал людям до 2.000 руб. Правда, при допросе того, кто об этом говорил (туземец Мадали) показал, что об этом ему рассказывал сын Мухамед Якуба—теперешнего аксакала, но свидетель говорил капитану Доброку, что он сам видел это. Пусть это было преувеличено, но факт остается фактом—нет дыма без огня.

Не потерял „дружественных“ отношений Иногам-Ходжа и с начальником города, который попрежнему продолжал запросто приезжать к нему на дом в гости. Полковник Путинцев сам лично сидел прочно, он пользовался „особым доверием“ генерал-губернатора Гродекова. ¹⁾

Ход же следствия по делу о поборах с углеторговцев шел таким образом, что „улик против него не обнаруживалось“ ²⁾ и он мог надеяться, что выйдет сухим из воды. Старший аксакал был стрелянная птица и в такие переделки попадал не впервые. Еще при генерал-губернаторе Кауфмане ему было запрещено занимать какие-либо должности, но вскоре все это было „позабыто“.

3. „Калиф на час“.

Та скудная литература, которая имеется по вопросу о восстании, необычайно тепло отзываясь о личности врем. испол. обязан. старшего аксакала Мухамед Якуб Карим-Бердеева. Он фигурирует как „строгий исполнительный служака, не дававший поблажек населению и не искавший популярности“. ³⁾

Так ли это? Следственный материал скромно подтверждает, что он „не пользовался симпатиями населения“. Это еще тогда, когда он был аксакалом Шейхантаурской части.

¹⁾ Дело № 45. Канц. турк. ген. губ. за 1892 г., стр. 43.

²⁾ Дело № 42. Суд. следов. о восстании, т. II, стр. 165.

³⁾ В. П. Сальков. Аиджанское восстание. Казань, 1901 г., стр. 48.

Нелегко, в материальном отношении, было добиться, чтобы благосклонное око генерал-губернатора „избрало“ счастливца на столь теплое местечко, как должность старшего аксакала. Когда же затрачен капитал, нужно вернуть его с лихвой. И чем больше риск, тем выше должны быть проценты. Положение нового аксакала было шаткое, уверенности в прочности захваченного места не могло быть. Значит, нужно было не зевать, пользоваться моментом. И Мухамед Якуб не зевал. Холера была чрезвычайно удобным моментом для того, чтобы „подработать“. Из документов мы видим, что „почти исключительно из среды мардакеров брали больных в холерную больницу, между тем как постоянные жители города имели возможность лечиться и умирать дома, скрывая случаи заболевания холерой“. ¹⁾

Америки он в этом деле не открыл, это же проделывал и его предшественник во время холерной эпидемии в 1872 году. Тогда „из десяти одного брали, а остальных тайком хоронили“. ²⁾

Но Иногам Ходжа был поскромнее не потому, что был „человеколюбивый и гуманный“, а просто из-за того, что он сидел основательно на своем месте и зарезывать курицу, несущую золотые яйца, ему не было расчета. Новому же „калифу на час“ о будущем нерасчетливо было думать и он „приказывал хоронить на холерном кладбище даже умерших не от холеры“. ³⁾

Ясно, кто попадал в число могущих „скрывать“ своего больного и кто даже умершего не от холеры был вынужден хоронить в таких издевательских условиях. Это зависело от размера „взноса“ новому аксакалу в фонд реализации затраченного им капитала.

Какой же это создало авторитет и прежде не пользовавшемуся симпатиями Мухамед Якубу, об этом он сам говорит в своем показании: „говорят... что Иногам Ходже не было дела ни до живых, ни до мертвых, а что я начал преследовать и мертвых и живых“. ⁴⁾

Для того, чтобы еще полнее охарактеризовать „скромность“ нового аксакала, его „неподкупность“ нужно привести такие факты. Когда толпа разграбила его дом, при чем были взяты предметы мелкого домашнего обихода, как-то: медные кувшины и т. д., убыток от этого был оценен им в 2.070 р. и, кроме того, он заявил, что у него среди вещей похитили 4.000 наличными деньгами. О последних материал следствия иронически замечает: „Основательность этого заявления представляется весьма сомнительной“.

4. Склока в управлении начальника города.

Подлинный начальник города ушел. Новый не установил контракта с своим компаньоном — Путинцевым, последний старается поставить его в такие рамки, чтобы он мог своей работой показать своему „покровителю“

¹⁾ Дело № 45 Канц. Туркест. ген.-губер. за 1892 г., стр. 200.

²⁾ Там же, стр. 201.

³⁾ Дело № 23. Ташк. Воен. округа, стр. 108.

⁴⁾ Дело № 42. Суд. след., т. 1, стр. 230.

губернатору Гродекову неспособность в управлении. Холера была удобный случай этого добиться.

Волнения нарастали. За три дня до праздника „Курбан-Байрам“, когда вспыхнуло восстание, Мухамед Якуб доносит о признаках волнения Путинцеву. Тот через стражника отдает ему какое-то приказание. В первый день праздника, когда атмосфера накаливается, на вторичный доклад об этом же старший аксакал никакого распоряжения от него не получает.

В то же время, полковник Путинцев при посещении генерал-губернатора настойчиво сообщает ему, что „Ма Якуб не распорядителен, его не слушают“. ¹⁾

Такое отношение нач. города ободряет загрустивших было после отставки Иногам Ходжи, набранных по его протекции, полицейских. До чего последним не понравился уход аксакала видно из того, что, например, полицейский стражник Ахмед Ходжа Абдрашимов, родственник Иногама Ходжи, прослуживший в полиции 20 лет, подал заявление о выходе в отставку. Ему, видите ли, стали „по ночам сниться „не хорошие сны“, он „стал стар“ и т. д. Дело упиралось, конечно, в денежную подкладку.

Поднявшие голову полицейские — приверженцы Иногама Ходжи, как жалуется Мухамед Якуб, „не слушались его приказаний по наблюдению за исполнением противохолерных мероприятий“, т.-е. по просту говоря, не делились с ним доходами. Видя себя в этот период „междоусобия“ свободными, они с усердием, достойным лучшего применения, аккуратно посещают все дворы, где происходят погребения, вызывая там, по спокойному описанию этого в протоколах допроса свидетелей, „сильное возмущение“.

Все жалобы старшего аксакала на такое „беззаконное“ лишение его доли доходов, жалобы, конечно, под маркой борьбы за соблюдение правил, Путинцев оставлял без внимания.

На суде пом. нач. города Лыкошин так рассказывал об этом: „На заявления Ма-Якуба, что стражники не исполняют предписаний о противохолерных мероприятиях и что он просит, чтобы начальник города сам приказал стражникам подчиняться его распоряжениям, последний ответил, что это его дело, пусть сам распоряжается: когда Ма-Якуб вторично просил, чтобы хотя пом. нач. приказал стражникам повиноваться, согласия со стороны Путинцева не последовало“. ²⁾

5. Было ли восстание неожиданностью?

В составе подсудимых были лица, которым пред'являлось обвинение в „недонесении“. Царская администрация хотела создать картину того, что восстание вспыхнуло неожиданно, о нем „не донесли“, и если бы этого не было, то, несомненно бы, приняли мудрые меры к тому, чтобы не допустить и попыток „восстания против властей, правительством установленных“.

¹⁾ Дело заседания суда о восстании, стр. 31.

²⁾ Дело заседания суда о восстании, стр. 20.

На самом же деле нужно вернее поставить вопрос, а кто же не знал о восстании? Обратимся к документам.

18-го июня, т. е. за 6 дней до восстания подрядчик Мирза Радмаб Мухамедов сообщил чиновникам строительного отделения, что: „в Ташкенте ходит молва, будто бы доктор в Чиназе, без всяких определений болезней заболевших людей, дает лекарство, через то такие пациенты моментально умирают, что крекиши (возчики) бегут без оглядки на все четыре стороны, что городской пристав объявил созданным им торговцам, что надевать саван на умерших и совершать похоронные обряды никому не позволено и что умершие должны быть зарываемы без всякого религиозного обряда. Народ сильно возбужден и об этом в коллективном прошении желает представить на усмотрение правительствующего Сената“. На основании этого заявления был составлен акт и его 20-го июня прочитал генерал-губернатор Гродеков.¹⁾

Каковы же были те первые формы, в которые стал выливаться „бунт“ населения?

2-го июня стражник Сибзарской части Абду-Халык сообщил старшему аксакалу, что в мечети Ханака собрался народ. Мухамед Якуб доложил начальнику города, тот приказал „раз'яснить“. Народа в мечети аксакал уже не застал, узнал только, что были выбраны депутаты. Последних Мухамед Якуб вызвал на 22-е июня к себе, те обещали „поговорить с народом на праздниках“.²⁾

22-го июня в мечети Таллак жители Шейхантаурской части составили на имя нач. города прошение: „Мы просили нашего миньбаши и старшего аксакала довести до сведения вашего высокоблагородия, что мы не согласны хоронить наших покойников, на новом (холерном) кладбище, за городом, и просим дозволить хоронить их на старых кладбищах, ибо погребение покойников на новом кладбище связано с затруднениями, тем более, что по шариату умершие должны быть переносимы на руках. Названные должностные лица до сего времени не объявили нам вашего ответа“.³⁾ Это прошение представлено не было, собирали подписи и надеясь во время праздников собрать больше подписей его задержали до этого времени.

Как же оценивать эти первые формы протеста. Пусть на это ответят сами судебные органы. Акт предварительного следствия говорит: „Можно с уверенностью утверждать, что еще 22-го июня, несмотря на слухи... самый протест был задуман в форме совершенно законной“ (прошения, избрания делегатов“).

Пришлось раскататься и самому нач. города. На наступившем 23-го июня празднике Курбан-Байрам Путинцев в главной мечети перед 10—тыс. толпой, сам, владея прекрасно местным языком, через переводчика стал говорить о ложности слухов, ходящих в народе. После его выступает старейший из ташкентских казиев Шариф-Ходжа и по прочтении молитвы об императоре произносит речь на тему о том, что нужно

¹⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ. за 1892 г., стр. 186.

²⁾ Там же, стр. 187.

³⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ. 1892 г., стр. 187.

„верить русскому начальству“. Все это было выслушано „почтительно и с должным вниманием“. ¹⁾ Отвязавшись от такого надоедавшего Путинцеву пустяка, как какое то „волнение“ туземцев, он успокоился, почил на лаврах, вплоть до самого восстания. А страницы судебного следствия так и пестрят показанием: „Это было известно за 3—4 дня до событий множеству русского населения города“. ²⁾ „Я говорил Путинцеву за 3 дня до беспорядков.“.. и т. д. ³⁾

Выводы главы.

Те основные экономические причины, о которых мы говорили в первой главе, осложнились рядом добавочных, непосредственных поводов. Они и нарушили неустойчивое равновесие, сделали переход из количества в качество.

Принимаемые администрацией санитарные меры в той форме, в какую выливалось их фактическое выполнение, только способствовали развитию эпидемии.

За возможность избежать применения этих возмутительных мероприятий населению приходилось платить взятки новой туземной администрации.

Будучи не уверен в прочности своего положения, новый аксакал брал эти взятки в увеличенном против обычного размера, отправляя в противном случае и не умерших от холеры на холерное кладбище.

Пользуясь периодом „междущарствия“, полицейские особенно сторонники Иногам Ходжи, при получении взяток, не забывали дополнительно и себя.

Полковник Путинцев, не желая расставаться со своим так хорошо работавшим коллегой,—бывшим аксакалом Иногам Ходжей, предоставил расхлебывать всю заваривающуюся кашу новому аксакалу, дабы на этом свалить его с места.

Меры, принимаемые первоначально местным населением, были вполне законны даже с точки зрения царской юстиции. Туземцы молчали, но это была тишина перед бурей и достаточно было легкого ветерка для того, чтобы разразился ураган—восстание.

Глава III.

ВОССТАНИЕ ВСПЫХНУЛО.

1. Капля переполнила чашу.

Ночь на 24 июня прошла спокойно. Мухамед Якуб до 2-х часов ночи ездил по знакомым с поздравлениями по поводу наступившего праздника.

Возвращаясь обратно к себе домой, он застал у себя на квартире стражника Ахмеда Ходжу (того, который подавал недавно заявления

¹⁾ Там же, стр. 188.

²⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ. 1891 г., стр. 37.

³⁾ Дело заседания суда о восстании, стр. 21.

об отставке), тот сообщил ему, что в его участке махалля Зебок и Яманкары тайно похоронены 3 человека. Старший аксакал, по его словам, приказал узнать имена умерших и тех, кто их похоронил.¹⁾

По заявлению же самого Ахмеда Ходжи, он докладывал Мухамед Якубу, что умершие холерой не болели, тот же приказал привести могильщика. Население могильщика не выдало. Тогда было получено приказание от старшего аксакала привести 5—6 чел., чтобы они удостоверили, что похороненные умерли действительно не от холеры. Как бы то ни было, а миршабы (полицейские) отправились в эти махалля.

Напомним, что все это происходило в праздник и что умершие действительно были не холерные, что подтвердилось на следствии. Трудно было найти более подходящий случай для того, чтобы подложить свинью аксакалу.

И Ахмед Ходжа принимается вместе с миршабами это делать. По показаниям свидетелей он „ругаясь собирает народ“, миршабы грозят жителям махалля Зебок, что тайно похороненные будут вырыты из могил.²⁾ К работе по сбору толпы присоединяются родственники Иногама-Ходжи, внося, несомненно, свою долю масла в разгорающийся огонь.

Хотя „туземцы народ покорный, терпеливый даже и в тех случаях, когда по их убеждению по отношению к ним применялись меры несправедливые и для них тягостные“.³⁾ Но всему есть предел и этот предел был превзойден.

Толпа организуется. Семидесятилетний старик Азим Водован является к Ишану Азисляру и зовет его итти с толпой с жалобой. Тот пытается отвлечь от этого неприятного дела, заявляет: „что ему, как лицу духовному, неудобно впутываться в такие дела“. Только после настойчивых требований, когда старик стал говорить ему в глаза горькие истины о том, что он „от людей и халаты берет и лучшие кушания принимает, а помочь народу в трудное время отказывается“ — он согласился⁴⁾.

Пока происходили эти события, к Мухамед Якубу приходит из махалля Ииарчи Шейхантаурской части брат Ахмеда Ходжи — Хасан-Ходжа. Он просит похоронить умершего Шамси. Аксакал отказывает ему и посылает донести доктору и санитару.

Вскоре после этого возвращается на квартиру аксакала Ахмед-Ходжа и просит его подождать людей.

Но тут являются стражники Сибазарской и Кукчинской частей, доносят о тайных похоронах женщины и ребенка. Мухамед Якуб вместе с стражниками едет к н-ку города.

¹⁾ Дело № 46. Канц. Турк. ген.-губ. за 1892 г., акт предварительного следствия.

²⁾ Дело № 23. Ташк. Воен. округа, стр. 109 и дело № 45. Канц. Тург., ген.-губ. за 1892 г., стр. 200 и 202.

³⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ., стр. 34.

⁴⁾ Дело № 23. Ташк. военн. округа, стр. 110.

2. Толпа ищет непосредственного врага.

Пока ничего не подозревающий старший аксакал спокойно ехал к Путинцеву, толпа двигалась к его дому. По мере приближения к нему, она увеличивалась, „отдельные лица отделялись от нее и, бегая по прилегающим улицам, сзывали народ“. К толпе присоединялись горожане и иногородние „последние почти исключительно мардекеры (чернорабочие)“¹⁾ Не доходя еще до дома Мухамед Якуба толпа усилилась в своем составе, пришедшими жителями из махаллы Игарчи Шейхантаурской части их собрал и вызвал Миршаб Мир-Пакирум, которому старший аксакал этого поручения не давал.

Когда толпа подошла к дому старшего аксакала—он уже уехал. „Вождь“ Ишан Азизляр, как говорят документы, „выразил сожаление, все же остальные стали громко ругать Мухамед Якуба“. Цели толпы были настолько ясны, что все жители, включая сюда и русских чиновников, это подтверждают. Например, тайный шпион у Туркестанск. ген-губернатора барона Вревского—инспектор народных училищ Смирнов пишет: „толпа вовсе не имела желания произвести бунт или какое-либо насилие по отношению к русским... она имела целью добиться лишь прекращения тех притеснений, которые творились временным курбашей Ма-Якубом и отчасти членом городской управы Сеид Каримом. Движение было не к русским, а к дому курбаши и только когда его там не оказалось, толпа направилась в русский город“. ²⁾ Факты еще резче подтверждают это. Сколько ни ходило слухов об „отравлениях докторами людей“, „смертоносных порошках“, даваемых ими, истинных виновников население видело хорошо и против непосредственного из них оно и восстало. В день восстания в 8 час. утра, т. е. тогда, когда происходили эти события, женщина врач Е. Мендельштрам проехала, как обычно, в приемный покой. Толпа по дороге передней расступалась. Мало того, во все время восстания в больнице спокойно продолжали работать и никто туда не врвался. ³⁾

3. Что происходило в Управлении?

Перейдем к изложению дальнейших событий. Возбужденная толпа движется в русский город, куда уехал Мухамед Якуб. Во главе одной части ее, насчитывающей до 100 чел., ехал ишан Азизляр. Вторая, более многочисленная, достигавшая до 500 чел., шла под предводительством ехавших впереди: ишана Абул Касым Ходжа и базарного старшины Зия-Мухамед Исамухамедов. Что побудило последних двух присоединиться к толпе, выяснить трудно—нет данных. В отношении ишана Абул Касым Ходжи можно сказать, что причины его участия вероятно те же, что и у Азизляра.

В это время Мухамед Якуб находился уже в квартире начальника города. К нему под'езжает двое туземцев, посланных ишаном Азиз-

¹⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ., стр. 201.

²⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ. за 1892 г. Письмо Смирнова.

³⁾ Там же, стр. 198.

ляром и заявляет, что ишан желает переговорить с ним по вопросу похорон.¹⁾ Аксакал не обращает на это внимания.

Вышедшему Путинцеву Мухамед Якуб докладывает о происшедшем. Тот отдает приказ составить акт и выходит на улицу. В это время прискакал Миршаб Сеид Ахмед с сообщением, что идет толпа. Начальник города вместе с аксакалом, в сопровождении стражников, едут к ней навстречу. На Воронцовском бульваре, недалеко от Урдинского базара, представитель русской администрации и толпа встречаются друг с другом. Что же представляла из себя толпа, которая так впоследствии была жестоко покарана. Генерал-губернатор Гродеков пишет: „Народ шел к нему (Путинцеву. В.З.) с просьбой: „ни огнестрельного и никакого другого оружия в толпе не замечалось“, „толпа насчитывала около 400 чел., преимущественно из Биш-Агачской и Шейхантаурской частей“²⁾.

Даже и появление толпы ничуть не образумило как нач. города, так и старшего аксакала. Так они были уверены в забитости, запуганности населения, что стали действовать таким образом: „Ма Якуб (сокращение фамилии Мухамед Якуб Карим-Бердеева. В.З.) бранил толпу и замахивался на нее нагайкой, после чего в него полетели два-три камня. Путинцев же продолжал ехать по направлению к базару, где стояла толпа народа и раздавались крики: „аксакал в управлении“; Путинцев приказал этой толпе „итти к управлению для разбора жалобы“. Приведенная сейчас нами цитата является показанием на суде самого полковника Путинцева, показания, которые были занесены по постановлению суда в протокол.³⁾

Первые же намеки толпы на активные действия—несколько камней, брошенных в старшего аксакала, так перепугали последнего, что он ускакал вместе со стражником Сейфуллой в управление начальника города, где и скрылся в квартире секретаря управления Аврова. Жена последнего спрятала „героя“ в платяной шкаф, а стражнику предоставила место под столом.

Толпа окружила управление. Путинцев стоял около калитки. Голоса из толпы кричали: „Выдайте нам аксакала, мы его побьем“⁴⁾. Начальник города пытался что то говорить толпе, но за „страшным шумом“ ничего не было слышно. Толпа постепенно втискивала Путинцева во двор, часть участников через ограды других домов проникла во двор управления и действия уже стали разворачиваться на территории двора.

Путинцев, став на крыльце, ведущем в комнаты управления „весь бледный, с дрожащими губами“ заявил, что „Ма-Якуб не виноват и исполняет лишь распоряжения администрации“ и только после этого возбуждение толпы вступило, по словам самого же Путинцева, в свою высшую ступень⁵⁾.

1) Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ. за 1892 г. стр. 193.

2) Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ. за 1892 г., стр. 1—2.

3) Дело судебного заседания о восстании. стр. 18.

4) Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ., стр. 194.

5) Дело судебного заседания, стр. 18.

Действия толпы стали решительнее, послышались крики: „Выдайте аксакала, мы его убьем“ ¹⁾.

Полковник Путинцев был один. С ним находился только член управы Новгородцев, к которому толпа тоже обращалась с требованием, чтобы он ходатайствовал о выдаче аксакала и отмене санитарных мер. Куда же делась вся окружавшая начальника города свита из полицейских и неужели весь этот шум, происходивший в 10-м часу, утра не слышало близь живущее русское население. Суд обошел разбор этого щекотливого вопроса, но данные в следствии сохранились. Во дворе управления было 4 полицейских, в их числе и Ахмед Ходжа. Только один из них, недавно поступивший на службу, не ташкентский уроженец — Ахмед Хаитбаев, пытался защитить по его словам Путинцева. Его толпа стала бить, остальные же полицейские, которые все были из Ташкента и служили еще при Иногаме Ходже, хладнокровно смотрели на эту картину ²⁾.

Русское же население отсиживалось в домах. Когда же случайно в это время под'ехал к управлению купец-чиновник Т. Н. Максимович, то, „поняв в чем дело, быстро ретировался“ ³⁾.

Видя, что начальник города фактически беззащитен, и по прежнему продолжает свою прежнюю тактику игнорирования требований толпы, не разбирая даже причин и жалобы, выведенная из терпения толпа переходит в действие. „Толпа начала бить его кулаками, в него посыпались камни“. „Путинцев упал, на него легли человека 4 туземца, повидимому, старавшиеся защитить его собою от ударов“ ⁴⁾.

„Он впал в забытие...“ по его словам, оно продолжалось недолго и когда Путинцев „поднялся на ноги, то увидел, что толпа стояла неподвижно, как бы охваченная столбняком“ ⁵⁾.

Таков апогей восстания.

Когда Путинцев, без шапки, встал, толпа стала требовать от него дачи подписки в том, что он удовлетворит их требования. Его втискивают в управление, где в его же кабинете подают ему чернильницу для подписи.

В самое здание управления зашло всего несколько десятков человек, остальные же оставались во дворе и на улице ⁶⁾. Действия всей этой основной массы восставших выразились после избиения его лишь только в том, что в Путинцева было брошено через окно кабинета 2—3 камня, из которых один попал ему в грудь.

В управлении же сконцентрировалась наиболее активная группа восставших.

Еще во дворе наметились две группировки среди участников, одна — из молодых по возрасту, тянула толпу к активным методам борьбы, дру-

¹⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ., стр. 194.

²⁾ Дело № 42, т. I стр. 25—26.

³⁾ Добросмыслов. „Ташкент в прошлом и настоящем“ стр. 487.

⁴⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ., стр. 193.

⁵⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ., стр. 194.

⁶⁾ Там же стр. 194.

гая же из числа пожилых, защищая своими телами начальника города при его избении, пытается отговорить толпу от этого. Так, обвиняемый Муса Магомет Рустан-баев (мардекер, имеет дом) показывает: „Я стал над начальником города и начал говорить: „мусульмане, что вы делаете? Будьте осторожны, из-за вас бедняки погибнут, весь Ташкент погибнет...“ толпа хотела его бить ¹⁾. В управлении рознь этих двух течений обострилась и дело дошло до борьбы их друг с другом. Этим и можно объяснить то, что подписки Путинцев так и не дал и к моменту прибытия „доблестных защитников“ он снова был на крыльце.

События в управлении нач. города описывает в своих показаниях следующим образом: „Особенно наседали на меня (а он в это время бегал вокруг стола В. З.) три человека, позволявшие ко мне всевозможнейшие угрозы, один из них со шрамом на лбу, лет 20, с едва пробивающимися усами, другой худощавый, того же возраста также с едва пробивающимися усами; третий в красноватой рубашке, молодой, без усов; последний несколько раз поднимал кулак, говоря: „мы тебя убьем, если не исполнишь всех требований“. Несколько туземцев, защищая меня, начали напирать на толпу и выдвинули ее за двери кабинета в другую комнату, откуда стал доноситься стук и шум, как будто что-то били и ломали“. ²⁾

Все поведение толпы показывает, что она четко проводила во всех своих даже малейших поступках только лишь то, что способствовало достижению ее непосредственных целей. При произведении погрома в помещении правления нач. города не было похищено ни одной вещи, не взломано ни одного шкафа. Вот официальные сведения: „В управлении и в квартирах служащих почти все окна были разбиты, вся мебель изломана, разорваны портьеры, уничтожены бумаги, книги, всюду разлиты чернила. Со стен сорваны объявления, повестки и т. д. Не тронуты портреты царя и генерал-губернаторов“. ³⁾ До уничтожения портретов не осмелились дойти даже и наиболее активная группа. Когда после был произведен разгром дома Мухамед Якуба, то „из 12 человек, задержанных с поличным (с похищенными вещами аксакала В. З.) только три были признаны за участников толпы, бывшей в управлении“. ⁴⁾

Последующие страницы нам покажут как, „культурные“ усмирители будут карать „бунт диких азиатов“. Поэтому необходимо провести параллель. Ни одного русского, проходившего мимо управления, в момент этих событий не было тронут. Мало этого, был факт, установленный предварительным следствием. Вот он: „Во время погрома, произведенного в управлении, воспитанник городского училища Кривоногов, мальчик лет 14—15, из любопытства забежал во двор управления. Здесь один сарт замахнулся на него, но другой ударил этого сарта и Кривоногова никто не тронул“. ⁵⁾

¹⁾ Дело № 42, т. I, стр. 109.

²⁾ Дело № 23 Ташк. военного округа, стр., 106.

³⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ., стр. 195.

⁴⁾ Там же стр., 197.

⁵⁾ Там же стр., 198.

Кто же по своему социальному положению активные участники восстания? При подсчете профессии 51 человека из числа привлеченных к суду в качестве участников толпы, бывшей в управлении, мы получаем следующее:

	Молодежь (до 25 л. включ.)	Пожилые (свыше 25 лет)
Рабочих (мардекеров)	3	7
„ (работники в услужении)	6	3
Кустарей	7	15
Торговцев и другого нетрудового элемента	1	7
Земледельцев	—	2
	17	34

Из этого мы видим, что состав участников—рабоче-кустарная масса. Активную роль играет рабочая группа. Рабочие из числа пожилых—бывшие ремесленники. Это подтверждается тем, что из 10 человек пожилых рабочих половина имеет свои дома ¹⁾.

При анализе этих цифр необходимо оговориться, что они дают только общую картину, т. к., несомненно, в составе обвиняемых были лица, абсолютно не принимавшие участия в мятеже. Один из обвиняемых в своем показании мог, например, сообщить только, что „я сидел около своего дома, подходит ко мне какой то русский и меня арестовал“.

„Вожди“ сбежали.

Мы описали момент наивысшего разгара восстания, дальше оно идет на убыль, почти сходит на-нет. Но где же „вожди“ о которых перепуганное начальство писало: „Деятельную и зловредную роль в событиях играл ишан Азизляр Ходжа: во главе целого отряда мюридов, число до 30 конных этот фанатик лично предводительствовал в мятежной нафанатизированной его внушением толпой“. ²⁾ Как „фанатизировал“ массы ишан Азизляр, мы видели; все действия толпы он хотел свести на почву дипломатических переговоров. Когда толпа приникла в управление, он счел свою миссию—роль вождя по принуждению—оконченной, остался на улице и, „отделился от толпы и стал в стороне, не было заметно, чтобы ишан во время беспорядков проявил себя“ ³⁾. О другом ишане нет никаких сведений. Его след потерялся еще до начала событий в управлении. Возьмем третьего „вождя“—базарного старшину Зия Мухамеда. Ни один из свидетелей не подтвердил о нем ничего, кроме того, что он был в толпе, направляющейся в русскую часть города. Не отрицая этого „вождь“ рассказал, что когда „толпа, состоявшая, главным образом, из босоногих, подняла страшный шум, он удалился на базарчик и затем ушел домой“ ⁴⁾.

¹⁾ Все эти данные подсчитаны по сведениям протоколов допроса обвиняемых.

²⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ. стр. 44.

³⁾ Дело № 23 Ташк. Военного округа стр. 110.

⁴⁾ Там же стр. 111.

Таким образом, мы видим, что восстание было без руководителей.

Но ведь в среде коренного населения имеется слой туземной буржуазии, которая, естественно, не прочь была бы обойтись без своего „старшего брата“ русского капитализма. Почему она не возглавила восстание? Разберём этот момент.

Тактика буржуазии.

Вступить в движение против аксакала буржуазии не было расчета. Поборы его, не настолько сильно ее теребили, чтобы можно было сделать такой рискованный шаг. Надеяться сразу на какие-либо реальные результаты от борьбы с царской администрацией не приходилось. Буржуазия знала мощь царизма и организованность масс населения, поэтому она заняла политику выжидания. Когда тех или других богатых жителей зовут для участия в толпе, они отказываются. К Саиду Махмуд хан Юсупханову приходит в 6 часов утра в день восстания Азимбаев Водован и зовет его на „народное собрание“, тот уклоняется, говоря, что он „занят своим хозяйством“. Это так разозлило Азимбая, что он стал бить по земле бывшей у него нагайкой.¹⁾

Один из участников движения некий Умар Азизов токачи (кустарь делающий подковки) приходит в это же время к Мирзе Ахмед Мирзе Навас-Навакову, но тот выслушал его и „ушел на ярмарку, где торгует лесом и никому о происшедшем не говорил“²⁾.

Пролетарский состав толпы и ее решительные с точки зрения буржуазии действия еще сильнее оттолкнули буржуазию от активного участия в движении. Она перепугалась, сообразив, что это движение может быстро перерасти в движение против всей туземной администрации, а затем перекинется и на „своих по крови“ угнетателей. При такой перспективе лучше держатся русской стороны, тем более, что русский капитализм пока терпел пожирание туземной буржуазией своей доли в эксплуатации масс.

Материалы вскрывают это явление: „Когда толпа шла к аксакалу, то по удостоверению лиц, заслуживающих полного доверия, раздавались крики, призывающие к насилию, грабежу, убийству и т. п. Крики эти заставили более зажиточных туземцев запирать свои дома, а некоторых из них, в том числе и местного казю, настолько напугали, что казий с родственником своим, по крышам и глухим переулкам, убежал в русскую часть города и скрылся в саду при доме генерал-губернатора“.³⁾ Как чувствовала себя буржуазия, говорит факт—бывший уже во время расправы с восставшими, когда город был наводнен войсками. „Сарты, спрятавшись в своих лавочках, испугали зашедшего в проулок солдата и бросились бежать, солдат в свою очередь испугался сартов, произошел переполох, во время которого один сарт бросился в арык и утонул, а другой был убит последовавшим выстрелом“.⁴⁾

1) Дело № 23 Ташк. Военного округа стр. 111.

2) Там же стр. 109.

3) Дело № 45 Канц. Турк. ген., губ., стр. 192.

4) Там же, стр. 196—197.

Не менее трусливо держали себя другие высшие слои местного населения. Когда в день событий по улице ехал инспектор народных училищ, толпа, состоявшая наполовину из детей, с криками: „урус“ „урус“ побежала в разные стороны, с ними бросился бежать и мударис (профессор) Ходжа Ахрарской медресе мулла Абит, за что был отчислен от должности. ¹⁾

Если не было выгоды буржуазии принять непосредственное участие в восстании, то тем более нерасчетливо было лично вмешаться в это дело Иногам-Хадже.

Утром 24-го июня, услышав доносившиеся издали крики толпы: „выходите, выходите, идем жаловаться“, он приказал работнику запереть ворота своего дома. ²⁾ Без информации он не остался, к нему появляется с сообщением сам аксакал Биш-агачской части Мухамед Шариф и спокойно сидит у него в гостях все время восстания, которое началось в его участке. Пара друзей смотрит в окно на проходящие войска. Мухамед Шариф ограничивает свое участие тем, что посылает джигита узнать, кто из туземных полицейских находится при генерал-губернаторе. ³⁾ После подавления восстания Иногам Ходжа скрылся и „лишь к вечеру 24-го июня с трудом был отыскан и арестован полицией“.

Восстание, до рамок, ожидавшихся буржуазией, не дошло. Дело ограничилось только разгромом толпой, после событий в управлении, дома Мухамед Якуба. Бывшие в его доме женщины, сыновья и работники разбежались, толпа хотела поджечь дом, но не успела, помешало прибытие войск. Ярость толпы доходила до того, что „разбивались стекла в окнах, посуда, рвали книги и бумагу, изломали всю мебель“. Вещи домашнего обихода частью толпы были растащены, но подавляющее большинство участников этого грабежа, как мы указывали выше, были не из числа лиц, участвующих в событиях в управлении. У некоторых негодование доходило до того, что они стали тут же уничтожать вещи аксакала. Один из толпы стал, например, резать ножом подушку, принадлежащую Ма-Якубу. На следующий день за городом были подожжены постройки старшего аксакала, из них часть сгорела. Толпа искала его и в квартире секретаря управления Аврова, при чем тоже фигурировали „все оборванцы, люди молодые“. ⁴⁾

Заключительным аккордом карьеры Мухамед Якуба явилось покушение на его жизнь полицейского Сибзарской части Умара Али Алимбаева, после которого их обоих отправили в больницу, ввели батальон пехоты, но 17-го августа вывели, т. к. беспорядков не было. ⁵⁾ Покушение было 16-го августа.

Так дешево отделалась туземная буржуазия в этом восстании.

После восстания она поднесла царской администрации два адреса и эти „почетнейшие представители туземного населения Ташкента“ явились 30-го июня депутацией к генерал-губернатору края барону Вревскому, сожалея, что „толпа презренных негодяев“, „несколько безголо-

¹⁾ „Турк. Вedom.“ № 33 от 18 VIII. 1892 г.

²⁾ Дело № 23 Ташк. военн. округа, стр. 118.

³⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ., стр. 203.

⁴⁾ Дело № 45. Канц. Турк. ген.-губ., стр. 195.

⁵⁾ „Турк. Вedom.“ № 33 от 18-го августа 1892 г.

вых безумцев, может быть подчинявшихся людям, интриговавшим из-за власти", осмелилась совершить „такое преступление“ и просила „подвергнуть бессовестных буянов строжайшему наказанию“. ¹⁾

„Усмирение мятежа“.

Мы оставили описание злоключений полковника Путинцева на том моменте, когда он снова появился на крыльце. В это время прибывает полицеймейстер города Крючков и пом. нач. Лыкошин. Путинцев приказал Крючкову вызвать солдат.

Почти вслед за прибытием полицеймейстера и Лыкошина к управлению прибежало несколько невооруженных солдат музыкантской команды, собралось немного русских с палками. Толпа стала редеть и разбегаться, перелезая через окружавшую управление ограду. ²⁾

Когда же показались первые солдаты (12 стрелков 4-го Турк-стрелк. батальона), привезенные с гауптвахты полицеймейстером на извозчиках, толпа была уже в таком замешательстве, что в панике разбегалась, не пытаясь оказать хотя бы малейшее сопротивление. Был, например, ранее сломан мелкий барьер, служащий перилами на крыльце управления, но никто из восставших не воспользовался палками его для того, чтобы вооружиться. ³⁾

„Подавление“ восстания было так „трудно“, что русская администрация не удержалась отметить это для себя в противовес официальным версиям о „геройстве“ ген.-губ. Гродекова, „осмелившегося“, с „такими силами“, проникнуть в „самую гущу“ туземного города. В деле № 45 Канц. ген.-губ. дает характеристику этого момента „подавления“, т. к. далее уже начинается голая расправа: „сотни туземцев начали разбегаться перед несколькими невооруженными чинами музыкантской команды и окончательно рассеялись при появлении полутора десятков чиннов“ (стр. 199).

Вслед за этим, как из рога изобилия, сыплются все новые и новые „силы“. Прибывает ген.-губ. Гродеков, полицейские пристава, околоточные надзиратели. Русское население, которое не пикнуло, когда не было „солдатишков“, стало ловить восставших, бить их. Широкая натура Гродекова развернулась, ведь не даром он был соратником Скобелева, ряд лет находился в Средней Азии, знал, как легко можно „заработать“ иногда от весьма дешевых побед. Он обращается с призывом к „православным людям“, прибежавшим к управлению: „братцы русские, бейте сартов чем попало“. ⁴⁾

„Братцы“ не подкачали, они сразу же показали „дикарям“, что значит восставать против „носителей цивилизации“: „как из калитки показались солдаты с ружьями, между ними проскальзывали русские горожане (мещане, отставные солдаты и разные хулиганы) с дубинами и палками. Сарты бросались моментально наутек, но солдаты и русские

1) Дело № 45. Канц. Турк. ген. губ. стр. 61 и 201.

2) Там же стр. 195.

3) Дело судебного заседания, стр. 18.

4) Там же стр. 28.

добровольцы бросились за ними и били нещадно тех из туземцев, кто только попадался им под руку и, наконец, догнав толпу до арыка Анхор, стали стакивать сартов с высокого берега в арык, а некоторые и сами попадали, спасаясь от ударов, упавшие в Анхо или тонули или калечились. Подсчета ни тем ни другим, кажется, не произведено. В следующие за беспорядками дни, по частным сведениям, было извлечено из воды свыше 80-ти трупов. Всех погибших во время беспорядков, не преувеличивая, можно считать до 100 человек¹⁾. Автор цитируемой нами книги хочет показать, так косвенно, что тут повлияло присутствие в толпе „разных хулиганов“. Что последние частично были вполне допустимо, но судом также доказано, что в толпе принимали участие и такие „почтенные“ люди, как священник Золотов, собственноручно не полевившийся ударить палкой обвиняемого Ша-Ислям-Ша-Рахимова.²⁾ Это событие попало в заграничную печать, где число убитых указывалось в 65 человек, а раненых 110³⁾.

Пока происходят эти „первые цветки“ усмирения, прибывают: поручик Федоров с 8-ю чел. солдат, местная команда в 60 чел. Гродеков поручает командование отрядом поручику Федорову, и карательный отряд движется в туземную часть. Были вызваны войска из лагеря. Во главе экспедиции, вместе с ген.-губ. едет „жестоко избитый“ Путинцев (он отделался синяками, легким поранением головы и поломкой одного ребра). Встречавшиеся по дороге жители кланяются нач. города, из-за переулков в задние ряды солдат бросают камни. Отряд движется по направлению к мечети Джам, вблизи которой находился холерно-приемный покой. Толпа народа по двум улидам двигалась сюда же⁴⁾.

Здесь „неустрасимый“ Гродеков „при незначительности сопровождавшей команды остановился в ожидании войск из лагеря“, как пишет он сам.⁵⁾

Около остановившегося отряда собирается толпа человек 100—150, которая была от войск на расстоянии 10 сажен⁶⁾.

По показанию грамотного и умеющего хотя плохо говорить по русски десятника члена, гор. управы Новгородцева-Ходжи Касим-Ходжи Алибаева, ген.-губ. обращается к толпе, требуя разойтись и сказал, что если жители недовольны нач. города и аксакалом, то пусть подадут жалобу и будет назначен другой аксакал и другой нач. города. Эти слова переводил Путинцев. Толпа не разошлась⁷⁾.

В этот этап событий на сцену выступают уже новые „водители“ — туземный ходатай по делам Азим Бай-бача, мясник Усман Косаб (родственник Иногама Ходжи) и сапожник Искандер Бек Чукурбеков. Их деятельность показаниями одного туземца оспопрививателя, 3-х полицей-

1) Добросмыслов. „Ташкент в прошлом и настоящем“, стр. 488.

2) Дело № 23 Ташк. Воен. округа, стр. 114.

3) Дело № 45. Канц. турк. ген.-губ., стр. 102.

4) Терентьев. „Русские в Средней Азии“, т. III, стр. 488—489.

5) Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ. стр. 2.

6) Дело судебного заседания, стр. 18.

7) Дело № 42 Судебн. следователя т. 1, стр. 250—251.

ских и десятника Новгородцева описывается следующим образом: „по улице быстро проскакали Азим Бай-бача и Усман-Касаб, кричавшие: „мусульмане, мусульмане! Начальника города избили, аксакала убили и дом разграбили. Если у вас есть сила и желание, бегите в Урду к мосту“. Потом проскакали по улице еще два какие то сарта, кричавшие, что бы народ шел к мечети Джам. Поднялась страшная суматоха. Народ бежал в разные стороны, некоторые бежали в сто оны Урды, многие прятались в домах, слышны были крики: „держи полицейских“¹⁾.

Необходимо оговориться что судебной администрацией эти сведения были сначала найдены „не вполне убедительными“²⁾.

После попытки со стороны губернатора отделаться обещаниями в толпе появились, по показанию того же десятника Новгородцева, двое из новых „вождей“—Искандер Бек и Азим Байбача. Узнав о словах Гродекова, они стали кричать толпе: „не слушайте, обманывает, сколько раз был такой разговор“³⁾.

Путинцев снова под'езжает к толпе, уговаривая ее разойтись. Один туземец, выдвинувшись из толпы, отвечает: „как же нам разойтись, когда нас отравляют“. Узнав в нем одного из лиц, участвовавших в управлении начальника города по его словам на суде, приказывает околоточному арестовать его. Околоточный схватил этого человека, толпа подалась назад. Арестованный крикнул: „мусульмане, куда вы бежите, оставляете меня одного“. Часть толпы остановилась, в отряд полетели камни. В это время полковник Путинцев услышал, что отдается команда стрелять, он приказал околоточному отбежать от арестованного и сам быстро от'ехал, после чего последовал „неожиданный залп“. Предупреждение о том, что будут стрелять, сделано не было. Это подтвердил на суде Путинцев и бывший в составе отряда капитан Малин, сам прекрасно умевший говорить на местном языке. Командой в 12 человек было сделано три залпа, выпущено 32 боевых патрона. Убито было 5—7 человек и несколько человек ранено. Точного числа пострадавших так и не выяснено, потому что население унесло с собой, как трупы убитых так и раненых, и скрыло их: По показанию десятника Новгородцева, когда последовало распоряжение стрелять, Азим Байбача кричал народу: „Не бойтесь, ружья заряжены одним порохом, без пуль, ветошью! и в управлении был такой случай и там не стреляли“. Когда же был дан залп, Азим Байбача и Искандер Бек, находившиеся позади толпы на лошадях, быстро ускакали⁴⁾.

Толпа разбежалась.

Отряд двигается дальше и останавливается у большого базара, из толпы один храбрец снова заявляет от имени населения просьбу. Путинцев предложил ему обратиться с ней к губернатору (приказ о стрельбе был дан Гродековым. В. З.), человек попятился и был... арестован⁵⁾.

¹⁾ Дело № 42, Судебн. следов. т. 1 показания осповпривизтеля Амду Джапар Абу Гафарова.

²⁾ Дело № 45, Канц. Турк. ген.-губ., стр. 197.

³⁾ Дело № 42 судебного следов. т., 1, стр. 250—251.

⁴⁾ Дело № 42 судебн. следов. т., 1, стр. 250.

⁵⁾ Дело № 45 Канц. Турк. и ген.-губ., стр. 196.

„В это время подошел казачий полк и, не употребляя в дело оружия (мудрено было бы и употребить, В. З.), рассеял толпу. Этим собственно и окончились беспорядки в городе“, так излагает предварительное следствие конец карательной экспедиции ¹⁾.

После казаков пришли пехотные части. Войска были посланы мелкими патрулями по разным направлениям. Жители поскрывались, и город как бы замер. В 2 часа дня была полная тишина.

Мы говорили о жертвах террора царской администрации. Но может быть это было вызвано жертвами в среде усмирителей. Официальный документ стыдливенько об этом говорит: „Камнями, которые бросала толпа, были легко ушиблены несколько полицейских и нижних чинов, при задержании разбегающихся туземцев один туземец легко ранил ножом при сопротивлении к задержанию околоточного надзирателя Яргина ²⁾“.

Несмотря на это, на базаре было оставлено 4 роты пехоты и две казачьи сотни. 3 роты остались в казармах, а „остальные войска были распущены“. Содержание этой армии было возложено на счет жителей и только 3-го июня „по настойчивой просьбе населения“ войска были выведены из старого города.

За „подавление“ эта армия была удостоена следующим приказом по войскам Туркест. военного округа от 11-го июля 1892 года за № 209: . . . войска . . . во время беспорядков 24-го минувшего июня держали себя выше всякой . . . а отделение местной команды, которому пришлось стрелять, дало залп вполне спокойно и согласно как на учебной стрельбе . . . считаю своим долгом благодарить командиров . . . и особенно поручика 1-го Турк. стрелк. батальона Федорова . . . нижним чином . . . объявляю мое большое спасибо. „Ком. войсками ген. штаба ген-лейт. барон Вревский“ ³⁾.

Так были вписаны новые „лавры“ в историю „доблестного русского оружия“.

Выводы главы.

Восстание было произведено той массой, на которую всего сильнее давила тяжесть двойного пресса.

Наиболее решительной активной частью было рабочее ядро из молодежи.

Предоставленное самой себе, не имея никакого плана действий, брошенная трусливыми „вождями“ толпа принимала все меры к тому, что бы добиться насколько возможными законными путями своих минимальных требований—убрать непосредственного угнетателя, отменить, в такой форме, как они были, санитарные правила. Ведь после восстания—15 августа когда было открыто не одно, а несколько кладбищ и санитарным чиновникам были даны инструкции, старший аксакал заменен полицейским приставом, население отнеслось к этому совершенно спокойно.

¹⁾ Там же, стр. 196.

²⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ. стр., 197.

³⁾ „Турк. Ведом.“ № 29 от 21-го июля 1892 года.

Действуя стихийно, возбужденная толпа тем не менее не тронула ни одного русского, проявляя величайшую гуманность к людям случайно попавшим в район действия толпы.

Только вызывающее поведение полковника Путинцева, заранее решившего, что требования толпы не основательны, вынудило последнюю его избить.

Характер восстания, его требования не удовлетворял туземную буржуазию, она быстро почуяла опасность такого союза и восстание не поддержала.

Жестокость подавления восставшей толпы напоминает комбинацию зверств еврейских погромов царской России и событий 9-го января 1905 года.

Глава IV.

РАСПРАВА.

1. Реакция разыгралась

Царская администрация усердно принимается за проведение мер, которые могли бы предохранить ее от повторения подобных „неожиданных событий“.

Уже на второй день ген. губ. доносит, что „вероятные зачинщики беспорядков арестованы“... „аресты продолжаются“. Было арестовано до 60 человек.

Вместо Путинцева, (который потом был назначен нач. уезда) на пост нач. города был выдвинут „умный, твердый и энергичный“, нач. Ташкентс. уезда полковник Тверитинов. Старший аксакал был заменен „опытным“ полицейским приставом Седовым. За бездействие до и во время беспорядков были смещены все аксакалы и казии города. Начала проводится линия по постепенной замене туземных полицейских русскими или коренным населением не из уроженцев города.

Гродеков составляет целую программу действий об искоренении „причин восстания“. Он просил разрешения у ген. губ. края, чтобы:

1. Назначить в азиатскую часть города особого пристава.
2. Аксакалов и казиев не выбирать, а назначать.
3. „Пользуясь случаем“ выслать из края неблагонадежных туземцев.
4. и „В виде наказания“ и для „обезопасения русского города от повторения когда либо снова подобных событий“ на средства населения (разумеется туземного В. З.) построить две широкие улицы, которые бы перерезали город по указанным планом направлениям, сходясь в центре у большого базара и главной мечети.¹⁾

Даже усердно заботившийся о „укреплении русской власти“ в крае нач. края барон Вревский был вынужден остановить своего расходившегося подчиненного. Согласившись на все меры, он ответил по поводу постройки улиц отказом. Впоследствии высшая центральная власть Петербурга по поводу всех этих проектов, включавших в свой план и ликвидацию убудочной городской управы, ограничилась упразднением должности старшего аксакала. Восстание дало свои уроки.

¹⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ. стр. 22.

Верхи русского города были взволнованы происшедшими событиями. Их требованиям о наказании не было предела. Говорили, что при „усмирении мятежа слишком мало выпущено крови и суд обязан восполнить этот пробел“. Всевозможнейшими мотивами подкреплялось „общественное мнение“ о том, что „необходимо применить к данному случаю беспощадные кары почти без разбора степени виновников“. ¹⁾

Из Петербурга полетели одна за другой шифрованные телеграммы и уже 27-го июня было получено благословение на расправу в ее „законной“ форме: „разрешается судить главных участников и подстрекателей в сопротивлении и дерзком нападении на нач. города и на команду военным судом, с применением законов о суде и наказаниях военного времени и предоставлением Вам (телеграмма была адресована Вревскому В. З.) права конфирмации приговора суда.“ ²⁾

2. „Заговор влиятельных туземцев“.

Событиями 24-го июня репутация губернатора Гродекова была подмочена. Ведь о положении в городе он знал. На заседании суда ему пришлось это отрицать. В виду деликатности вопроса пришлось допрашивать Гродекова в качестве свидетеля на специальном заседании суда происходившем в его квартире. Подсудимых конечно там не было.

Для того, чтобы спасти свою карьеру и попутно пощипать туземную буржуазию, он принимается за создание из событий 24-го июня „заговора влиятельных туземцев“.

О первом фокусе его с „усмирением“ разбежавшейся толпы мы уже ознакомились. Тот удался. Благодаря ему звезда его карьеры не закатилась, как у полковника Путинцева. Впоследствии он фигурирует в должности же губернатора на Дальнем Востоке, а затем несколько лет занимает пост Туркестанского генерал губернатора, непосредственно же после восстания за недостаточную бдительность он получил отставку.

Второй фортель оказался сложнее и лопнул еще до суда как мыльный пузырь.

Гродеков приказывает в тот же день 24-го июня пом. нач. города Лыкошину арестовать всех богатых и влиятельных лиц старого города. Исполняя его приказание Лыкошин составляет список не действительных участников и беспорядков, а тех кто по его мнению был в прежнее время замечен как протестующий против „некоторых распоряжений“. Составленный на этой „основе“ список был вручен губернатору под маркой „списка подстрекателей“. На основании его были арестованы бывший аксакал Иногам Ходжа и ряд других зажиточных туземцев. ³⁾

Арестовав 15 человек и предъявив им обвинение в том, что они „по слухам знали о готовящемся беспорядке и не донесли об этом“ Гродеков с помощью своего персонала все же не мог собрать даже фальшивых фактов, доказывающих эти „слухи“. Пришлось признать, что 9 чел. аресто-

1) Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ. стр. 34 и 39.

2) Там же стр. 12.

3) Дело Судебного заседания стр. 20.

ваны ошибочно и 1-го июня 6 чел. были освобождены из тюремного заключения. ¹⁾

От полного провала мифа о заговоре губернатора спасли „опытный“ пристав Седов и старший аксакал Мухамед Якуб.

Неграмотного, не говорящего по русски туземца Иногам-Баба Карим-Баева по вызову „какого то комиссара“ стражник Сейфулла с запиской направляет к Лыкошину. Тот производит „допрос“ и свидетель „показывает“, что: „за 4 дня до беспорядков, он, придя в 7 час. утра к Иногаму-Ходже, подслушал его разговор с родственником Усманом Ходжой. В этом разговоре бывший старший аксакал говорил своему собеседнику, что он поручил стражнику Ахмеду Ходже собрать людей, отправиться и убить Мухамед Якуба... и что если его не окажется дома, то его следует искать в правлении н-ка города“. ²⁾

Такой же процедуре подвергся и второй свидетель, но он, будучи сам в числе обвиняемых, оказался смелее. Вот как судебное следствие описывает этот эпизод: „При дознании произведенном приставом Седовым, сарт Мирза Ахмед Мирза Навас (он же обвиняемый Наватов) говорил, что Зия Мухамед, по словам обвиняемого Умара токачи Мир-Азизова, посылал последнего собирать народ для обсуждения, как порешить дело с Мухамед Якубом. При чем на состоявшемся 24-го июня совещании было решено убить Ма-Якуба, а аксакалом сделать снова Иногам-Ходжу“. При окончательном следствии обвиняемый отказался от этого показания, заверяя, что оно дано им приставу Седову по приказанию и т. д. старшего аксакала Ма-Якуба, заставившего его даже присягнуть в том, что он покажет ложно“ ³⁾

„Заговор“ удалось бы состряпать, но помешал конфликт с областным прокурором Рейнботом. Договориться с последним не удалось, и прокурору очень легко было доказать голословность обвинения. Он пишет нач. края барону Вревскому объяснение, где фактами припирает Гродекова к стене. Прокурор пользуется неосторожностью губернатора, выпустившего в его присутствии такую тираду: „если по делу о бунте осуждены будут только несколько десятков туземцев из толпы, 2—3 ишана и Иногам-Ходжа, то „это будет позором на весь мир“. Он ехидно выводит резюме: „трудно придать иной исход делу, чем тот, который признается генералом Гродековым „позорным““. ⁴⁾

Скандал в местных правящих кругах получился большой. Следствие пришлось передать военным судебным властям. Прокурор скоро оставил службу в Ташкенте и поступил в число присяжных поверенных в петербургскую судебную палату. ⁵⁾ Очевидно, кое-каким местным влиятельным лицам не казалась плохой вторая мысль „бравого“ генерала.

Следствие бурным темпом быстро идет вперед.

¹⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген. губ. стр., 123—124.

²⁾ Дело № 23 Турк. Военн. округа, стр. 108.

³⁾ Дело № 23 Ташкен. Военного округа стр. 111.

⁴⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.-губ., стр. 118.

⁵⁾ Добросмыслов. „Ташкент в прошлом и настоящем“ стр. 489.

3. „Суд царского самодержавия“.

Суд открыл свое заседание 28-го ноября 1892 г. Работа суда протекала при закрытых дверях. Состав членов суда был подобран надежный: председатель — военный судья генерал-майор Мордвинов. В члены суда попали командиры местных воинских частей: 3 полковника и 2 подполковника.

Была создана и соответствующая обстановка. Все вопросы и ответы в продолжении заседания задавались только на-русском языке. А надо напомнить, что из 60-ти обвиняемых умели говорить по русски только 10 человек, при чем и из этого числа четыре говорили плохо. Грамотных было еще меньше.

Все обвиняемые были разбиты судебным следствием на 4 группы: 1) зачинщики и подстрекатели, 2) привлекаемые за участие в непосредственных политических действиях против русских властей (в том числе двое бывших Путинцева), 3) разграбившие дом аксакала и 4) лица, находившиеся вблизи места беспорядков.

Ни один из подсудимых виновным себя не признал.

По первоначальному ходу следствия свидетелей по делу было 300 человек, а обвиняемых 93.

Но чтобы сохранить хотябы фиговый листок законности, пришлось сократить эти цифры. Тщательно отсортированный состав свидетелей суд наметил в количестве 110 человек, из них: полицейских чинов—22, офицеров—4, солдат и унтер-офицеров—16, прочих русских 5 и туземного населения 63 человека. Со стороны защиты было привлечено в качестве свидетелей 69 человек. Но часть их суд постановил не допрашивать (смотрите протокол судебного заседания).

Подобранный таким образом состав свидетелей, на самом заседании суда был процежен еще через ряд сит. Сначала были вызваны: Путинцев, Мухамед Якуб, Новгородцев, Лыкошин и два офицера, один унтер-офицер, два полицейских и один зажиточный киргиз, все значит—люди свои. Остальным же было об'явлено через дежурного офицера кому в какой срок притти в суд.

Раньше мы рассказывали как ход следствия разрушил одну легенду за другой, которые окутали туманой процесс. Показания первом партии „надежнейших“ свидетелей разрушили все построенное на песке здание обвинения.

О „заговоре влиятельных туземцев“ никто уже и не заикнулся. Путинцев заявил суду, что в „числе подсудимых нет тех лиц, которых он заметил, что ему наносили побои“.¹⁾

Капитан Малин подтвердил, что предупреждение о стрельбе сделано не было. Исчезли разговоры о „нападении на войска“. Суд ничто же не сумняшеся, занес все это в протокол заседания и стал спокойно продолжать следствие.

Как в ленте кино быстро были допрошены остальные свидетели. О том как „тщательно“ их допрашивали на предварительном следствии говорят факты, промелькнувшие через мчавшиеся, с быстротой курьерского поезда, заседания суда. От одного свидетеля прокурор отказался,

¹⁾ Дело судебного заседания, стр. 17.

так как он оказался не тот, другой свидетель был вызван по ошибке, перепутали фамилию и подлинный свидетель на суде не присутствовал.¹⁾

Показания губернатора Гродекова, которого как уже говорили раньше, суд допрашивал на его квартире, было изложено обвиняемым на следующее утро.

Видя этот „справедливый“ суд, все обвиняемые не задали выступавшим свидетелям ни одного вопроса. Это делали только Иногам-Ходжа, Ишан Азизляр и базарный старшина Зия Мухамед.

Суд начавшийся 27-го ноября был закончен 9-го декабря. В 9 дней был „разобран“ весь процесс. Мы пишем 9 дней, так как суд на 3 дня прерывал свою работу в виду болезни жены одного из членов суда.

4. Приговор.

Громадный город находился в „напряженном ожидании“. Все ждали какой будет вынесен приговор. Если прочитать только одни—сухие страницы протокола заседания суда—приговор мог быть только один оправдать всех за недоказанностью предъявленного обвинения.

После 10-ти—часового совещания суд вынес „окончательный не подлежащий обжалованию“ приговор. 8 человек (в том числе и Зия Мухамед) были приговорены к смертной казни через повешение с лишением всех прав состояния, двое к ссылке (в том числе и Иногам-Ходжа к отправке Иркутскую губернию), 15 человек получило по два года арестанских рот, а двое на 6 месяцев. Остальные, в том числе и Ишан Азизляр, были оправданы.

Приговор был бы несомненно утвержден полностью губернатором края, но военное министерство сообщило, что к смертной казни можно приговаривать только за вооруженное сопротивление.²⁾ А приписать это восставшим, не имевшим в своих руках даже палок, было мудрено и царскому суду. Приговор пришлось „смягчить“. Смертная казнь была заменена иным—бессрочной каторгой, другим на такие „короткие“ сроки как 15 или 20 лет, также сокращены сроки пребывания в арестантских ротах.

Так окончился „холерный бунт“.

Выводы главы.

Судебное разбирательство обнаружило то же, что мы выводили в 3-й главе.

Суд был только комедией. Осуждены лица, виновность которых следствие не подтвердило, да и невозможно было найти подлинных виновников этой стихийной вспышки.

Процесс хотели развернуть в более широких рамках, поживится и урезать развивающийся туземный капитал.

Лишь случайно это сорвалось.

Самый ход дела—это ряд вопиющих нарушений основ того же „свода законов Российской империи“.

Обвиняемые заранее знали свой приговор и не пытались защитить свою невинность, т. к. трудно доказать, что ты не верблюд.

¹⁾ Дело судебного заседания, стр. 28 и 30.

²⁾ Дело № 45 Канц. Турк. ген.—губ., стр. 141.

Заключение. Подведем итоги значения восстания 1892 года.

Это было одно из ранних попыток ремесленной массы городов Средней Азии бороться против того экономического тупика, в который заводило развитие капитализма мелкое производство средне-азиатского ремесленника и кустаря.

Положение ремесленников Туркестана было гораздо хуже условий, в каких была поставлена эта отрасль промышленности в самой метрополии. Там мы не видим того двойного пресса (русского и туземного капитализма), который так давил на ремесленно-кустарную массу Средней Азии. Налоговый гнет, еще больший, чем при ханах произвол царской администрации—все это углубляло скорейшую пролетаризацию мелкого производителя городов Туркестана.

При осложнении какими-либо добавочными причинами это положение должно вылиться в активную форму борьбы. Это мы и видим в восстании 1892 года—года холерной эпидемии.

Восстание было вызвано глубочайшими сдвигами в экономике ремесленно-кустарной массы, но вспыхнуло, в смысле даты, случайно, без длительной предварительной подготовки. Активного участия туземная буржуазия в борьбе не приняла, ограничилась политикой нейтралитета.

Поэтому восстание не носило ярко-выраженного политического характера и было скоро подавлено, не успев еще в достаточной степени разгореться.

Основные причины, создавшие восстание, разрешены не были, дальнейшая пролетаризация ремесленников и кустарей продолжалась.

Это приводит вновь к революционным всплескам, освещение которых выходит из рамок данной статьи.

Л и т е р а т у р а .

1. П. Галузо. Туркестан—колония. Изд. Коммун. У-та Труд. Востока. Москва, 1929 г.
2. Евгений Марков. Россия в Средней Азии. Очерки путешествий. Том I. С.-Петербург, 1901 г.
3. Армений Вамбери. Путешествие по Средней Азии в 1863 г. С.-Петербург, 1865 г.
4. Акад. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Изд. Академии наук СССР.
5. П. Маев. Азиатский Ташкент. Очерк.
6. Хорошин. Сборник статей о Туркестанском крае. С.-Петербург, 1876 г.
7. И. Гейер и Назаров. Кустарные промыслы в Ташкенте. Тетрадь I. Издание В. В. Иамина, 1903 г.
8. В. Розводовский. Кустарная промышленность в Туркест. крае. Ташкент, 1916 г.
9. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Изд. Сыр-Дар. стат. к-та под редакцией И. И. Гебера. Ташкент, 1892 г.
10. Ген.-лейт. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Том III. С.-Петербург, 1906 г.
11. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912 г.
12. А. Шишов. Саргы. Т. I. Ташкент, 1904 г.
13. В. П. Сальков. Андijanское восстание. Казань, 1901 г.

Источники. 1. Дело № 45 канцелярии Туркестанского генерал-губернатора „о беспорядках в гор. Ташкенте, 24 июня 1892 г.“ за 1892—1897 г. г., архивная опись № 44. 2. Дело № 42. Т. I и II судебного следователя Сыр-Дарьинской области „о восстании против властей правительством установленных“, за 1892 г. Фонд военного окруж. суда №№ 1 и 2. 3. Дело № 23 штаба Туркестанского военного округа „о беспорядках в г. Ташкенте“ за 1892—1894 г. г. Фонд судебной описи штаба Т. В. О. № 1. 4. Дело Туркестанского военного суда. Т. II, „о туземцах азиатской части города Ташкента в числе 60 человек обвиняемых в восстании против властей, правительством установленных“ за 1892—1896 гг. Фонд военного окружного суда № 3. 5. „Туркестанские ведомости“ за 1874 и 1892 г. г. 6. Обзоры Сыр-Дарьинской области—приложение к всеподданнейшему докладу генерал-губернатора за 1885, 1886, 1889, 1892 гг.